



БЕРНАРД

ШОУ

*ДОМ, ГДЕ
РАЗБИВАЮТСЯ СЕРДЦА*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Бернард Шоу

**Дом, где разбиваются
сердца (сборник)**

«АСТ»

1898, 1919, 1932

УДК 821.111-2
ББК 84(4Вел)-6

Шоу Б.

Дом, где разбиваются сердца (сборник) / Б. Шоу — «АСТ»,
1898, 1919, 1932 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-105975-0

«Дом, где разбиваются сердца» – одна из «визитных карточек» Шоу, остроумная и тонкая трагикомедия нравов британского светского общества после Первой мировой войны, на которую автора вдохновила, по его собственным словам, драматургия Чехова. «Профессия миссис Уоррен» – напротив, одна из самых печальных пьес Шоу: ведь ее заглавная героиня шла на весьма неблагоприятные поступки, чтобы обеспечить лучшую жизнь своей дочери, и в итоге была этой дочерью отвергнута. Пьеса была признана безнравственной и до 1902 года запрещалась для постановки на сцене. Политический гротеск «Горько, но правда» – беспощадный приговор, который автор выносит британским интеллектуалам послевоенного времени – «погибшим душам, которые опускаются в бездну», на чьих взглядах, характерах и поведении сказалось противоестественное устройство жизни.

УДК 821.111-2
ББК 84(4Вел)-6

ISBN 978-5-17-105975-0

© Шоу Б., 1898, 1919, 1932
© АСТ, 1898, 1919, 1932

Содержание

Профессия миссис Уоррен	6
Действие первое	6
Действие второе	17
Действие третье	30
Действие четвертое	40
Дом, где разбиваются сердца	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Бернард Шоу

Дом, где разбиваются сердца

© George Bernard Shaw, 1898, 1913, 1919, 1926, 1930, 1933, 1934, 1941, 1948

© The Public Trustee as Executor of the Estate of George Bernard Shaw, 1957, 1958, 1960,
1961

© Перевод. С. Бобров, М. Богословская, наследники, 2018

© Перевод. Н. Дарузес, наследники, 2018

© Перевод. В. Топер, наследники, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Профессия миссис Уоррен

Действие первое

Летний день в Суррее. Садик перед коттеджем на восточном склоне холма к югу от Хэслмира. Налево и несколько выше сам коттедж: под соломенной кровлей, с крыльцом и большим решетчатым окном слева от крыльца. Сад обнесен сплошным забором, направо калитка. За забором – луг, поднимающийся по косогору до самого горизонта. На крыльце, рядом со скамейкой, сложены садовые стулья. Под окном прислонен к стене дамский велосипед. Направо от крыльца между двумя столбиками висит гамак. Большой полотняный зонт, воткнутый в землю, защищает от солнца *молодую девушку*, лежащую в гамаке, головой к коттеджу и ногами к калитке. Она читает, делая пометки. Перед гамаком, так, чтобы можно было достать рукой, стоит простой кухонный стул с грудой увесистых книг и солидным запасом бумаги. За коттеджем показывается *джентльмен*, идущий по лугу. Он уже немолод, похож на художника, одет не по моде, но очень тщательно, чисто выбрит, с живым, впечатлительным лицом, держится вежливо и просто. Шелковые черные волосы с сильной проседью. Брови седые, усы черные. Он, по-видимому, не вполне уверен, туда ли идет; подойдя к забору, заглядывает в сад и видит молодую девушку.

Джентльмен (*снимая шляпу*). Простите. Не можете ли вы сказать мне, где здесь Хайндхед-Вью, дом миссис Элисон?

Молодая девушка (*отрываясь от книги*). Это и есть дом миссис Элисон. (*Опять углубляется в чтение*.)

Джентльмен. Ах, вот как! Быть может... позвольте узнать, не вы ли мисс Виви Уоррен?

Молодая девушка (*резким тоном, приподнявшись на локте, чтоб разглядеть его как следует*). Да, я.

Джентльмен (*робко и миролюбиво*). Я, кажется, помешал вам. Моя фамилия Прейд.

Виви с размаху швыряет книги на стул и соскакивает с гамака.

О, пожалуйста, не беспокойтесь из-за меня.

Виви (*идет к калитке и распахивает ее перед гостем*). Входите, мистер Прейд.

Прейд входит.

Рада вас видеть. (*Решительно и приветливо пожимает ему руку*.) Это очень привлекательный образец здравомыслящей, дельной, образованной молодой англичанки средних классов. Ей двадцать два года. Живая, решительная, уверена в себе, хладнокровна. Платье простое, удобное для работы и в то же время изящное. На поясе среди брелоков висят на цепочке вечное перо и разрезальный нож.

Прейд. Вы очень любезны, мисс Уоррен.

Виви с шумом захлопывает калитку. Прейд идет в глубину сада, пошевеливая пальцами, слегка онемевшими от ее пожатия.

Ваша матушка уже приехала?

Виви (*быстро, настораживаясь*). А она должна приехать?

Прейд (*в изумлении*). Разве вы нас не ждали?

Виви. Нет.

Прейд. Боже мой, надеюсь, что я не ошибся днем. Я на это способен, знаете ли. Ваша матушка условилась со мной, что она приедет из Лондона, а я приеду из Хоршэма, для того чтобы познакомиться с вами.

Виви (*отнюдь не радостно*). Вот как? Гм! Моя матушка любит делать мне сюрпризы; должно быть, проверяет, как я веду себя без нее. Что ж, как-нибудь я ей тоже устрою сюрприз: впредь пускай ставит меня в известность, если речь идет обо мне. Она не приехала.

Прейд (*в смущении*). Мне, право, очень жаль.

Виви (*сменив гнев на милость*). Ведь это же не ваша вина, мистер Прейд! Я очень рада, что вы приехали, поверьте мне. Из всех знакомых моей матери вы единственный, кого я просила привезти ко мне.

Прейд (*успокоенный и обрадованный*). Вот это действительно мило с вашей стороны, мисс Уоррен!

Виви. Хотите войти в дом? Или лучше посидим и поговорим здесь, на воздухе?

Прейд. На воздухе будет гораздо приятнее, как вы думаете?

Виви. Ну, так я пойду принесу вам стул. (*Идет к крыльцу за садовым стулом.*)

Прейд (*следует за ней*). Ради бога! Позвольте мне. (*Завладевает стулом.*)

Виви (*выпуская стул из рук*). Берегите пальцы; они довольно-таки каверзные, эти стулья. (*Идет к стулу, на котором лежат книги, сбрасывает их в гамак и одним движением руки переставляет стул вперед.*)

Прейд (*кое-как справившись с раскладным стулом*). Позвольте мне взять этот жесткий стул. Я люблю жесткие стулья.

Виви. Я тоже люблю. Садитесь, мистер Прейд. (*Приглашение звучит добродушно-повелительно – очевидно, его старание угодить кажется ей просто слабостью характера.*)

Прейд медлит.

Прейд. А не лучше ли нам пойти на станцию встречать вашу матушку?

Виви (*равнодушно*). Зачем? Дорогу она знает.

Прейд (*огорченно*). Да, да, надо полагать. (*Садится.*)

Виви. А знаете ли, вы именно такой, как я думала. Надеюсь, мы с вами подружимся.

Прейд (*снова просяв*). Благодарю вас, милая мисс Уоррен, благодарю вас. Боже мой! Как я рад, что ваша матушка не испортила вас!

Виви. Чем это?

Прейд. Ну, вас могли вырастить очень чопорной. Знаете, милая мисс Уоррен, я прирожденный анархист. Ненавижу всякий авторитет. Это портит отношения между родителями и детьми, даже между матерью и дочерью. Я всегда опасался, что ваша матушка злоупотребит своим авторитетом и воспитает вас в самых строгих приличиях. Как хорошо, что она этого не сделала.

Виви. А разве я вела себя неприлично?

Прейд. О нет, боже мой, нет! То есть это не то, что принято считать неприличным, вы же понимаете.

Виви кивает и садится.

(*Прейд воодушевленно продолжает.*) Но как вы это прелестно сказали, что хотите дружить со мной. Вы, современные девушки, замечательный народ, просто замечательный.

Виви. Да? *(Смотрит на него с сомнением, начиная разочаровываться в его уме и характере.)*

Прейд. Когда я был в вашем возрасте, юноши и девушки боялись друг друга; не было товарищеских отношений, ничего настоящего, одна галантность, взятая напрокат из романов, да и то фальшивая и вульгарная до последней степени. Девическая скромность! Рыцарская галантность! Вечно говорили «нет», когда хотелось сказать «да», – сущий ад для чувствительных и робких натур!

Виви. Да, могу себе представить. Должно быть, много времени тратилось попусту, особенно у женщин.

Прейд. Да, тратилась попусту жизнь, время, все решительно. Но теперь все идет к лучшему. Знаете, после ваших блестящих успехов в Кембридже я был в таком волнении от предстоящего знакомства с вами, – в мое время это была неслыханная вещь. Как это хорошо, что вы заняли третье место на экзамене по математике. Именно третье. Первое место всегда занимает какой-нибудь рассеянный, чахлый юнец, который заучился чуть ли не до смерти.

Виви. Это себе дороже стоит. В другой раз я бы не взялась держать экзамен за такие деньги.

Прейд *(в ужасе)*. За какие деньги?

Виви. Я выдержала экзамен за пятьдесят фунтов.

Прейд. За пятьдесят фунтов?

Виви. Да, за пятьдесят фунтов. Вы, может быть, не знаете, как это было? Миссис Лейтем, моя преподавательница в Ньюнхэме, сказала маме, что я могу отличиться на экзамене по математике, если возьмусь за это дело всерьез. А тогда газеты наперебой кричали о Филиппе Саммерс, которая отвоевала первое место по математике – да вы, верно, помните, – вот мама и вбила себе в голову, что я должна сделать то же самое. Я сказала ей напрямик, что не стоит тратить время на зубрежку, раз я не собираюсь идти в учительницы, но что за пятьдесят фунтов попробую занять четвертое или пятое место. На этом мы с ней и порешили, хотя без воркотни не обошлось. Я сделала больше, чем обещала, но в другой раз за такие деньги не возьмусь. За двести фунтов – еще куда ни шло.

Прейд *(значительно остыв)*. Боже правый! Какой практический взгляд на вещи!

Виви. А вы разве думали, что я непрактичная?

Прейд. Нет, нет, что вы. Но ведь практический человек должен принять в соображение, что эта высокая честь не только стоит труда, но и духовно обогащает человека!

Виви. Обогащает! Дорогой мистер Прейд, да знаете ли вы, что такое экзамен по математике? Надо зубрить, зубрить и зубрить по шести, по восьми часов в день математику, и только математику. Предполагается, что я что-то смыслю в точных науках; но я не знаю ровно ничего, кроме того, что относится к математике. Я умею делать расчеты для инженеров, электриков, страховых обществ и так далее; но я почти ничего не смыслю ни в технике, ни в электричестве, ни в страховании. Я даже арифметики не знаю как следует. Во всем остальном, кроме математики, тенниса, еды, спанья, езды на велосипеде и ходьбы пешком, я круглая невежда, не лучше других девушек, которые не сдавали математики.

Прейд *(в возмущении)*. Какая дикая, гнусная, подлая система! Я так и знал! Я всегда чувствовал, что она должна губить в женщине все прекрасное...

Виви. Ну, против этого я ничуть не возражаю. Мне это только на пользу, уверяю вас.

Прейд. Ну! Каким это образом?

Виви. Я хочу снять контору в Сити и заняться страховыми расчетами и делами по передаче имущества. Это будет для меня предлогом изучить юриспруденцию и между делом приглядеться к бирже. Я приехала сюда, чтобы на свободе позаниматься правом, а не отдыхать, как воображает моя мамаша. Терпеть не могу отдыхать.

Прейд. Вас послушать – волосы становятся дыбом! Неужели в вашей жизни совсем нет места ни романтике, ни красоте?

Виви. Мне до них никакого дела нет, уверяю вас.

Прейд. Не может быть.

Виви. Нет, почему же. Я люблю работать, люблю получать деньги за свою работу. Когда устану, люблю удобное кресло, хорошую сигару, стаканчик виски и детективный роман с занимательной интригой.

Прейд (*вскакивает вне себя от возмущения*). Не верю! Я художник, и я не могу этому поверить, отказываюсь верить. Вы, я вижу, еще не знаете, какой чудесный мир открывает перед нами искусство.

Виви. Да нет, знаю. Весной я прожила полтора месяца в Лондоне у Онории Фрейзер. Мама думала, что мы вдвоем бегаем по театрам и музеям, а на самом деле я целыми днями работала у Онории на Чансери-лейн, делала для нее расчеты, помогала ей, насколько это возможно для новичка. По вечерам мы курили и разговаривали и даже не думали никуда выходить, разве только на прогулку. Я замечательно провела время, просто как никогда. Оправдала все свои расходы, да еще познакомилась с делом, не платя за обучение.

Прейд. Но, боже правый, при чем же тут искусство, мисс Уоррен?

Виви. Постойте! Я не так начала. Я приехала в город по приглашению одного артистического семейства на Фиц-джонз-авеню; с одной из дочерей я училась в Ньюнхэме. Они водили меня в Национальную галерею...

Прейд (*одобрительно*). Ага! (*Успокоившись, садится на место.*)

Виви (*продолжает*). ...в оперу...

Прейд (*еще более довольный*). Отлично!

Виви. ...и на концерт; там оркестр целый вечер играл Бетховена, Вагнера и тому подобное. Во второй раз я ни за какие коврижки не пошла бы. Из вежливости я терпела три дня, а потом сказала напрямик, что больше не в состоянии выдержать, и уехала на Чансери-лейн. Теперь вы видите, какая перед вами замечательная современная девица. Как вы думаете, полагаю я с матерью?

Прейд (*растерявшись*). Ну, я надеюсь, э... э...

Виви. Нет, мне не так уж важно, на что вы надеетесь, а вот что вы думаете, это я хотела бы знать.

Прейд. Откровенно говоря, боюсь, что ваша матушка будет разочарована. Не то чтобы у вас были какие-нибудь недостатки, я вовсе не то хочу сказать... Но вы так не похожи на ее идеал.

Виви. На... что?

Прейд. На ее идеал.

Виви. То есть на тот идеал, каким она меня вообразила?

Прейд. Да.

Виви. Какой же у нее идеал?

Прейд. Вы, наверное, заметили, мисс Уоррен, что люди, недовольные собственным воспитанием, обычно думают, что жизнь станет лучше, если воспитывать молодежь по-другому. А жизнь вашей матушки была... э-э... как вы, вероятно, знаете...

Виви. Ничего я не знаю. С самого детства я живу в Англии, в школе, или в колледже, или у людей, которым платят за то, чтобы они обо мне заботились. Я всю свою жизнь провела среди чужих; моя мать жила то в Брюсселе, то в Вене и ни разу не позволила мне приехать к ней. Я вижу ее только тогда, когда она приезжает на несколько дней в Англию. Я не жалуюсь. Ко мне относились хорошо, все это было очень приятно, и денег было всегда много, а с ними легче живется. Но не воображайте, будто я что-нибудь знаю о моей матери. Я знаю гораздо меньше вашего.

Прейд (*чувствуя себя очень неловко*). В таком случае... (*Умолкает, совершенно растерявшись, затем делает отчаянную попытку перейти на веселый тон.*) К чему, однако, мы все это говорим! Разумеется, вы отлично поладите с вашей матушкой. (*Встает и любуется видом.*) У вас тут очаровательно!

Виви (*непреклонно*). Вы сильно уклонились от темы, мистер Прейд. Почему же нам нельзя говорить о моей матери?

Прейд. Подумайте сами, мисс Виви. Ведь так естественно, что я считаю неудобным говорить о моей старой приятельнице с ее дочерью. У вас будет много случаев побеседовать об этом с ней самой, когда она придет.

Виви. Нет, она тоже не захочет. (*Вставая.*) Что ж, вам виднее. Только вот что, мистер Прейд. Нам не обойтись без генерального сражения, когда мать узнает о моем плане основаться на Чансери-лейн.

Прейд (*сокрушенно*). Боюсь, что не обойтись.

Виви. Я это сражение выиграю, потому что мне ничего не нужно, разве только на дорогу до Лондона, а там я начну зарабатывать на жизнь, помогая Онории. Кроме того, у меня нет никаких тайн, а у матери, кажется, есть. Я и это пушу в ход, если понадобится.

Прейд (*глубоко возмущенный*). Нет, нет, ради бога! Этого никак нельзя.

Виви. Тогда скажите, почему нельзя.

Прейд. Право, ну как же это можно. Я обращаюсь к вашим лучшим чувствам.

Виви улыбается его сентиментальности.

Кроме того, вы, может быть, слишком много берете на себя. С вашей матушкой шутки плохи, если она рассердится.

Виви. Вы меня не запугаете, мистер Прейд. На Чансери-лейн я имела случай изучить двух-трех дам, очень похожих на мою матушку; они приходили за советом к Онории. Можете держать пари, я непременно выиграю. Но если я, по неведению, задену больше, чем рассчитывала, не забудьте, что вы сами отказались просветить меня. А теперь переменим тему. (*Берет стул и переставляет его обратно к гамаку, так же как и раньше, одним взмахом руки.*)

Прейд (*в отчаянии идет напролом*). Одно слово, мисс Уоррен. Пожалуй, лучше сказать вам. Это очень нелегко, но...

К калитке подходят миссис Уоррен и сэр Джордж Крофтс. Миссис Уоррен – женщина лет сорока пяти, видная собой, одета очень крикливо – в яркой шляпке и пестрой, в обтяжку кофточке с модными рукавами. Порядком избалованная и властная; пожалуй, слишком вульгарная, но, в общем, весьма представительная и добродушная старая мошенница. Крофтс – высокий, плотный мужчина лет пятидесяти; одет модно. Голос гнусавый, гораздо тоньше, чем можно ожидать, судя по его мощной фигуре. Гладко выбрит, бульдожьих челюсти, большие плоские уши, толстая шея – замечательное сочетание самых низкопробных разновидностей дельца, спортсмена и светского человека.

Виви. Вот они. (*Встречает их у калитки.*) Здравствуй, мама. Мистер Прейд уже полчаса тебя дожидается.

Миссис Уоррен. Ну, если вам пришлось ждать, Предди, вы сами виноваты: я думала, у вас хватит догадки сообразить, что я поеду с поездом в три десять. Виви, надень шляпу, деточка, ты загорись. Ах, я забыла познакомить вас. Сэр Джордж Крофтс; моя маленькая Виви.

Крофтс подходит к Виви с самым галантным видом, на какой способен. Она кланяется, не подавая ему руки.

Крофтс. Могу ли пожать руку молодой особе, с которой я очень давно знаком понаслышке, как с дочерью одной из самых моих старинных приятельниц?

Виви (*недружелюбно меряя его взглядом*). Если хотите. (*Берет галантно протянутую ей руку и жмет с такой силой, что у Крофтса глаза лезут на лоб; потом отворачивается и говорит матери.*) Хотите войти в дом или принести вам еще пару стульев? (*Идет к крыльцу за стульями.*)

Миссис Уоррен. Ну, Джордж, что вы о ней думаете?

Крофтс (*жалобно*). Хватка у нее крепкая. Вы с ней за руку здоровались, Прейд?

Прейд. Ничего, это скоро пройдет.

Крофтс. Надеюсь.

Виви несет еще два стула.

(*Спешит ей помочь.*) Разрешите мне.

Миссис Уоррен (*покровительственно*). Пускай сэр Джордж тебе поможет, милочка.

Виви (*сует ему оба стула*). Вот вам. (*Вытирает руки и обращается к миссис Уоррен.*) Будете пить чай?

Миссис Уоррен (*садится на стул Прейда и обмахивается веером*). Просто умираю, до того хочется пить.

Виви. Сейчас я все устрою. (*Входит в коттедж.*)

Тем временем сэр Джордж раскладывает один из стульев и ставит его возле миссис Уоррен, слева. Второй стул он бросает на траву, садится и сосет набалдашник. Вид у него удрученный и довольно глупый. Прейд, все еще чувствуя себя очень неловко, топчется справа от них.

Миссис Уоррен (*Прейду, глядя на Крофтса*). Поглядите-ка на него, Предди, просто сердце радуется, верно? Он приставал ко мне целых три года, всю жизнь мне отравил, чтобы я ему показала мою девочку; а теперь, когда его познакомили, он и нос на квинту. (*С живостью.*) Ну же! Сядьте прямо, Джордж, и выньте палку изо рта.

Крофтс неохотно подчиняется.

Прейд. Вот что я хочу сказать, если мне будет дозволено: нам пора уже бросить эту привычку считать ее маленькой девочкой. Она выдержала экзамен с отличием; да и, насколько я убедился, она, пожалуй, взрослее нас с вами.

Миссис Уоррен (*весело смеется*). Послушайте-ка его, Джордж! Взрослее нас с вами! Ну, я вижу, Виви успела вам внушить, какая она важная особа.

Прейд. Молодежь очень ценит, когда к ней относятся с уважением.

Миссис Уоррен. Да, но из молодежи следует выбивать эту дурь и еще кое-что в придачу. Не вмешивайтесь, Предди. Я не хуже вашего знаю, как мне обращаться с моей дочерью.

Прейд, грустно качая головой, уходит в глубь сада, заложив руки за спину.

(*Притворно смеется, однако глядит ему вслед с заметной тревогой. Крофтсу, шепотом.*) Что с ним такое? Чего это он расстроился?

Крофтс (*угрюмо*). Вы боитесь Прейда?

Миссис Уоррен. Что? Я? Боюсь нашего милейшего Предди? Да его ни одна муха не боится.

Крофтс. А вот вы его боитесь.

Миссис Уоррен (*сердито*). Я попрошу вас не соваться куда не следует и не срывать зло на мне, когда вы не в духе. Вас-то я ни в коем случае не боюсь. Если вы не желаете быть любезным, отправляйтесь лучше домой. (*Встает и, повернувшись к нему спиной, оказывается лицом к лицу с Прейдом.*) Ну, Предди, я же знаю, что всему виной ваше доброе сердце. Вы боитесь, что я с ней буду резка.

Прейд. Милая Китти, вам кажется, что я обиделся. Напрасно вы так думаете, право, напрасно. Ведь вы знаете, я подчас замечаю много такого, что ускользает от вас; и хотя вы никогда не слушаете моих советов, все же сознаетесь иногда, что следовало бы послушать.

Миссис Уоррен. Так что же вы заметили теперь?

Прейд. Только то, что Виви взрослая женщина. Пожалуйста, Китти, отнеситесь к ней со всем возможным уважением.

Миссис Уоррен (*искренне изумлена*). С уважением! Относиться с уважением к моей собственной дочери? Еще чего не угодно ли?

Виви (*показывается в дверях коттеджа и зовет миссис Уоррен*). Мама, не хотите ли до чая пройти в мою комнату?

Миссис Уоррен. Да, милая. (*Снисходительно улыбается Прейду и, проходя мимо него к крыльцу, треплет его по щеке.*) Не сердитесь, Предди. (*Входит в дом вслед за Виви.*)

Крофтс (*торопливо*). Послушайте, Прейд!

Прейд. Да?

Крофтс. Я хочу задать вам довольно щекотливый вопрос.

Прейд. Пожалуйста. (*Берет стул миссис Уоррен и подсаживается вплотную к Крофтсу.*)

Крофтс. Правильно: они могут услышать нас из окна. Послушайте, Китти никогда не говорила вам, кто отец этой девушки?

Прейд. Никогда.

Крофтс. У вас нет подозрений, кто бы это мог быть?

Прейд. Ни малейших.

Крофтс (*не веря ни единому слову*). Я, разумеется, понимаю, вы, быть может, считаете своей обязанностью молчать, если она вам даже что-нибудь и сказала. Но такое неопределенное положение очень неудобно, когда мы будем видеться с мисс Уоррен каждый день. Почему мы знаем, как нам следует к ней относиться?

Прейд. Не все ли это равно? Будем относиться к ней так, как она того заслуживает. Какое нам дело, кто был ее отец?

Крофтс (*подозрительно*). Так, значит, вы знаете, кто он был?

Прейд (*с прорывающимся раздражением*). Я же только что сказал, что не знаю. Разве вы не слышали?

Крофтс. Послушайте, Прейд... Ну, прошу вас, сделайте мне такое одолжение. Если вы знаете...

Протестующее движение со стороны Прейда.

Я только говорю, если вы знаете, вы могли бы хоть успокоить меня на ее счет. Дело в том, что меня влечет к ней.

Прейд (*сурово*). Что вы этим хотите сказать?

Крофтс. О, не пугайтесь: это вполне невинное чувство. Вот это-то меня и удивляет. Потому что, насколько мне известно, я и сам мог бы быть ее отцом.

Прейд. Вы? Не может быть!

Крофтс (*ловит его на слове*). Вы наверное знаете, что это не я?

Прейд. Я ничего на этот счет не знаю, во всяком случае, не больше вашего. В самом деле, Крофтс... да нет, это просто немыслимо. Ни малейшего сходства.

Крофтс. Ну, что до этого, так между ней и ее матерью тоже ни малейшего сходства, сколько я вижу. А может быть, вы ее отец, а?

Прейд (*возмущенно поднимаясь*). Ну, знаете, Крофтс!

Крофтс. Почему же вы обижаетесь, Прейд! Ведь мы с вами люди светские.

Прейд (*сделав над собой усилие, говорит мягко и серьезно*). Выслушайте меня, дорогой Крофтс. (*Снова садится.*) Я не имею никакого отношения к этой стороне жизни миссис Уоррен и никогда не имел. Она не говорила со мной на эту тему, а я, разумеется, ее не спрашивал. Ваше чутье подскажет вам, что красивая женщина нуждается в таких друзьях, которые... ну, скажем, дружили бы с ней на иных основаниях. Красота стала бы для нее проклятием, если б всегда действовала без промаха. А вы, вероятно, с Китти в более коротких отношениях: вы бы лучше сами ее спросили.

Крофтс. Я ее спрашивал, и не раз. Но она твердо решила ни с кем не делить свою дочь, и если бы это было можно, говорила бы, что у нее совсем нет отца. (*Вставая.*) Меня это очень беспокоит, Прейд.

Прейд (*тоже вставая*). Ну что ж, во всяком случае, по возрасту вы ей годитесь в отцы, а потому давайте решим относиться к мисс Виви по-отечески, как к молоденькой девушке, которую мы оба обязаны беречь и защищать. Ну, что вы на это скажете?

Крофтс (*ворчливо*). Я не старше вас, если уж на то пошло.

Прейд. Нет, мой милый, вы старше; вы родились стариком. А я родился мальчишкой; я никогда в жизни не был уверен в себе, как полагается взрослому человеку. (*Складывает стул и несет на крыльцо.*)

Миссис Уоррен (*зовет из коттеджа*). Предди! Джордж! Чай пи-и-ть!

Крофтс (*торопливо*). Она нас зовет. (*Быстро входит в дом.*)

Прейд озабоченно качает головой и не спеша идет вслед за ним, но тут его окликает молодой человек, который только что появился на лугу и направляется к калитке. Это очень милый молодой человек лет двадцати, красивый, изящно одетый и совершенно ни к чему не пригодный, с приятным голосом и добродушно-фамильярными манерами; в руках у него охотничье ружье.

Молодой человек. Эй, Прейд!

Прейд. Боже мой, Фрэнк Гарднер?

Фрэнк входит в сад и дружески здоровается с Прейдом.

Что вы здесь делаете?

Фрэнк. Я в гостях у папы.

Прейд. У папы римского?

Фрэнк. Да, он здешний пастор. Этой осенью я живу у своих, экономии ради. В июле я дошел до точки. Папе римскому пришлось заплатить за меня долги. Поэтому он сидит теперь на мели, и я вместе с ним. А вас как сюда занесло? У вас тут есть знакомые?

Прейд. Да, я приехал в гости к мисс Уоррен.

Фрэнк (*с восторгом*). Как? Да разве вы знаете Виви? Это такая прелесть! Я учу ее стрелять – видите? (*Показывает ружье.*) Очень рад, что она с вами знакома; вы как раз подходящее для нее знакомство. (*Улыбается, и его приятный голос становится невучим, когда он восклицает.*) Нет, как это здорово, что вы здесь, Прейди!

Прейд. Я старый знакомый ее матушки. Миссис Уоррен пригласила меня сюда, чтобы познакомиться с дочерью.

Фрэнк. Ее матушка? Да разве она здесь?

Прейд. Да, в доме, пьет чай.

Миссис Уоррен (*зовет, из глубины дома*). Прейд-и-и! Пирог остынет!

Прейд (*отзывается*). Да, миссис Уоррен. Сию минуту. Я встретил знакомого.

Миссис Уоррен. Кого?

Прейд (*громче*). Знакомого.

Миссис Уоррен. Ведите его сюда.

Прейд. Хорошо. (*Фрэнку.*) Ну как? Принимаете приглашение?

Фрэнк (*с сомнением, но заранее радуясь*). Это и есть мамаша Виви?

Прейд. Да.

Фрэнк. Ну и ну! Вот так потеха! Как, по-вашему, я ей понравлюсь?

Прейд. Не сомневаюсь, что вы и здесь, как везде, добьетесь успеха. Войдите и попробуйте. (*Идет к двери.*)

Фрэнк. Пойдите. (*Серьезно.*) Я хочу вам доверить тайну.

Прейд. Не надо. Опять какая-нибудь новая глупость, вроде той кельнерши в Редхилле.

Фрэнк. Ну нет, это куда серьезнее. Скажите, вы только сегодня познакомились с Виви?

Прейд. Да.

Фрэнк (*восторженно*). Ну, так вы понятия не имеете, что это за девушка! Какой характер! Какой здравый смысл! А какая умница! Нет, Прейд, это такая умница, скажу я вам! И к тому же... надо ли вам говорить... влюблена в меня.

Крофтс (*высовывается из окна*). Послушайте, Прейд, где вы там застряли? Идите сюда. (*Скрывается.*)

Фрэнк. Ну и тип! На собачьей выставке ему наверняка дали бы приз. Кто это такой?

Прейд. Сэр Джордж Крофтс, старый знакомый миссис Уоррен. Идемте скорее в дом.

По дороге к дому их останавливает оклик из-за калитки. Они оборачиваются: через забор на них смотрит пожилой пастор.

Пастор (*зовет*). Фрэнк!

Фрэнк. Да! (*Прейду.*) Папа римский. (*Пастору.*) Да, да, родитель, сейчас иду, хорошо. (*Прейду.*) Послушайте, Прейд, ступайте-ка вы пить чай. Я скоро приду.

Прейд. Очень хорошо. (*Входит в дом.*)

Пастор стоит, облокотившись на калитку. Достопочтенному Сэмюэлю Гарднеру, пастору англиканской церкви, за пятьдесят. Внешне это претенциозный, шумливый, надоедливый человек. По существу – отмирающее социальное явление: сын-неудачник, пристроенный отцом к духовному сословию. Он тщетно пытается утвердить свой авторитет главы семейства и пастыря церкви и не способен внушить к себе уважение ни в той, ни в другой роли.

Пастор. Ну, сэр? С кем вы тут водите знакомство, позвольте вас спросить?

Фрэнк. Ничего, родитель, все в порядке, идите сюда.

Пастор. Нет, сэр, не войду, пока не узнаю, чей это сад.

Фрэнк. Ничего, ничего. Это сад мисс Уоррен.

Пастор. Она, кажется, ни разу не заглянула в церковь, как приехала.

Фрэнк. Ну конечно; она передовая женщина и в науках ушла дальше вас, отличилась по математике; зачем же она пойдет слушать вашу проповедь?

Пастор. Что за неуважение, сэр?

Фрэнк. Не беда, нас никто не слышит. Входите. *(Открывает калитку и бесцеремонно втаскивает отца в сад.)* Я хочу вас с ней познакомить. Родитель, вы помните, что вы мне советовали в июле?

Пастор *(строго)*. Да, помню. Я советовал вам преодолеть свою лень и ветреность, избрать себе достойную профессию и работать, для того чтобы не сидеть на моей шее, а жить своим трудом.

Фрэнк. Нет, это вы придумали после. А тогда вы сказали, что так как у меня ни ума, ни денег, то мне всего лучше будет воспользоваться моей красотой и жениться на какой-нибудь особе, у которой имеется и то и другое. Ну, так вот. Мисс Уоррен умна – этого вы не можете отрицать.

Пастор. Одного ума тут мало.

Фрэнк. Разумеется, мало; есть и деньги.

Пастор *(сурово прерывает его)*. Я думал не о деньгах, сэр. Я имел в виду нечто не столь низменное – например, общественное положение.

Фрэнк. Я за ним не гонюсь.

Пастор. А я гонюсь, сэр.

Фрэнк. Вас никто и не просит на ней жениться. Во всяком случае, она заняла в Кембридже одно из первых мест, и денег у нее, кажется, сколько угодно.

Пастор *(снисходит до попытки сострить)*. Очень сомневаюсь, чтобы у нее было столько денег, сколько вам требуется.

Фрэнк. Ну что вы, я вовсе уж не такой расточитель. Живу я очень скромно – не пью, почти не держу пари и не жуирую напропалую, как вы жуировали в мои годы.

Пастор *(грозно, но без достаточной уверенности)*. Молчать, сэр!

Фрэнк. Когда я свалил дурака из-за той кельнерши в Редхилле, вы же сами мне говорили, что предлагали одной даме пятьдесят фунтов за ваши письма к ней...

Пастор *(в ужасе)*. Ш-ш-ш, Фрэнк, ради бога! *(Боязливо оглядывается по сторонам. Уверившись, что никто не подслушивает, опять собирается с духом и начинает грозно, но более пониженным тоном.)* Ты поступаешь не по-джентльменски. Ты пользуешься тем, что я доверил тебе для твоего же блага, чтобы спасти тебя от ошибки, в которой ты каялся бы всю жизнь. Не повторяй ошибок твоего отца и не оправдывай ими своих собственных.

Фрэнк. Вы слышали анекдот насчет писем герцога Веллингтона?

Пастор. Нет, не слышал и слышать не желаю.

Фрэнк. Железный герцог не выбросил на ветер пятьдесят фунтов, старик был не из таковских. Он просто-напросто написал: «Дорогая Дженни! Печатай, черт с тобой. Твой любящий Веллингтон». Вот бы и вам так.

Пастор *(жалобно)*. Фрэнк, мой мальчик, написав эти письма, я оказался во власти этой женщины. А рассказав тебе о них, я, к сожалению, очутился до некоторой степени в твоей власти. Она не взяла денег, и я никогда не забуду ее слов: «Знание – сила, и я его не продам». С тех пор прошло больше двадцати лет, а она так и не воспользовалась своей властью и не доставила мне ни минуты беспокойства. Ты со мной поступаешь хуже, чем она, Фрэнк.

Фрэнк. Ну еще бы! Ведь вы ее не допекали каждый день проповедями, как допекаете меня.

Пастор *(уязвленный чуть ли не до слез)*. Прощайте, сэр. Вы неисправимы. *(Идет к калитке.)*

Фрэнк (*нисколько не растроганный*). Скажите там, что я не вернусь домой к чаю, сделайте мне такое одолжение, родитель! (*Идет к дому. Навстречу ему выходит Виви, за ней Прейд*).

Виви (*Фрэнку*). Это ваш отец, Фрэнк? Я очень хочу с ним познакомиться.

Фрэнк. Разумеется. (*Кричит вслед отцу*.) Родитель! Пойдите!

Достопочтенный Сэмюэль у калитки оборачивается, растерянно хватаясь за шляпу. Прейд подходит с другой стороны сада и заранее сияет, предвидя обмен любезностями.

Позвольте познакомить вас: мой отец – мисс Уоррен.

Виви (*подходит к пастору и пожимает ему руку*). Очень рада видеть вас, мистер Гарднер. (*Зовет, обращаясь в сторону коттеджа*.) Мама, подите сюда, вы нам нужны.

Миссис Уоррен появляется на пороге и, узнав пастора, на мгновение застывает от неожиданности.

Виви (*продолжает*). Позвольте вас познакомить...

Миссис Уоррен (*налетая на достопочтенного Сэмюэля*). Да ведь это Сэм Гарднер! Скажите пожалуйста, пастором стал! Вот так так! Не узнаете нас, Сэм? Это Джордж Крофтс собственной персоной, только вдвое толще прежнего. А меня вы помните?

Пастор (*весь побагровев*). Я, право... э-э...

Миссис Уоррен. Ну, конечно, помните. У меня до сих пор хранится пачка ваших писем, я недавно на них наткнулась.

Пастор (*готовый провалиться сквозь землю*). Мисс Вавасур, кажется?

Миссис Уоррен (*быстро останавливает его громким шепотом*). Ш-ш! Что вы! Миссис Уоррен... разве вы не видите, что здесь моя дочь?

Действие второе

В коттедже, после захода солнца. Если смотреть изнутри дома на восток, а не снаружи на запад, то решетчатое окно с задернутыми занавесками приходится посередине передней стены коттеджа, а входная дверь – слева. В боковой стене слева дверь, ведущая в кухню. В глубине, у той же стены, буфет, на нем спички и свеча; рядом, прислоненное к полке, стоит ружье Фрэнка. Посередине комнаты стол с зажженной лампой. Книги и бумаги Виви лежат на другом столе, у стены, справа от окна. Камин, с правой стороны широкая скамья; огня в камине нет. Два стула стоят справа и слева от стола. Дверь коттеджа открывается; видно, что на дворе звездная ночь. Входит миссис Уоррен, закутанная в шаль Виви, за ней идет Фрэнк. Она устала, ей надоело гулять, и она с облегчением вздыхает; откалывает шляпу, снимает ее, втыкает булавку в тулью и кладет шляпу на стол. Фрэнк швыряет кепи на подоконник.

Миссис Уоррен. О господи! Не знаю, право, что на даче хуже – гулять или сидеть дома сложа руки? Я бы с удовольствием выпила виски с содовой, если б оно водилось в здешних местах.

Фрэнк. Может быть, у Виви найдется?

Миссис Уоррен. Какие глупости! На что может понадобиться виски такой молоденькой девушке? Ну да ладно, не беда. Удивляюсь, как она может здесь жить! Эх, вот бы сейчас очутиться в Вене!

Фрэнк. Поедемте со мной в Вену. *(Помогает миссис Уоррен снять шаль и при этом галантно обнимает ее за плечи.)*

Миссис Уоррен. Да ну вас! Я вижу, яблоко от яблони недалеко падает.

Фрэнк. А что? Я напоминаю вам родителя? *(Вешает шаль на спинку стула и садится.)*

Миссис Уоррен. Не ваше дело. Что вы в этом смыслите? Вы же еще мальчишка. *(Отходит к камину, подальше от соблазна.)*

Фрэнк. Так едем со мной в Вену, а? Вот было бы весело.

Миссис Уоррен. Нет, спасибо. В Вене вам не место, сперва подрастите немножко. *(Кивком головы подчеркивает этот совет. Фрэнк делает жалобную гримасу, но глаза его смеются. Миссис Уоррен смотрит на него, потом встает и подходит ближе.)* Послушайте-ка вы, мальчик! *(Берет его лицо в свои руки и поворачивает к себе.)* Я вас наизусть знаю, потому что вы вылитый отец; знаю лучше, чем вы сами себя знаете. Так вот, выкиньте меня из головы, оставьте эти глупости. Слышите?

Фрэнк *(нежным голосом, стараясь пленить ее)*. Ничего не могу с собой поделать, миссис Уоррен; это у нас фамильное.

Миссис Уоррен делает вид, что хочет надрать ему уши, с минуту смотрит на красивое улыбающееся лицо Фрэнка, борясь с искушением, наконец целует его и сейчас же отворачивается, сердясь на самое себя.

Миссис Уоррен. Ну вот! Не надо было этого делать. Какая же я дрянь. Ничего, мой милый, не придавайте значения: это материнский поцелуй. Подите поухаживайте за Виви.

Фрэнк. Я и так ухаживаю.

Миссис Уоррен *(резко оборачиваясь к нему, с тревогой в голосе)*. Что-о?

Фрэнк. Мы с Виви большие приятели.

Миссис Уоррен. В каком это смысле? Вот что я вам скажу: я не желаю, чтобы всякий беспутный мальчишка заигрывал с моей дочерью. Слышите? Не желаю.

Фрэнк (*нисколько не смущаясь*). Дорогая миссис Уоррен, не тревожьтесь. У меня честные намерения, в высшей степени честные; а ваша дочка отлично может сама за себя постоять. Она куда меньше нуждается в присмотре, чем ее мамаша. Она, знаете ли, не такая красивая.

Миссис Уоррен (*растерявшись от такой наглости*). Ну и нахал, просто клейма негде поставить! Не знаю, откуда это у вас, – только уж не от папаши. Так помните: я вас предупредила.

Крофтс и почтенный Сэмюэль входят из сада, беседуя.

Ну, куда вы оба пропали? А где Предди и Виви?

Крофтс (*кладя шляпу на скамью, а трость ставя к камину*). Они поднялись на гору. А мы ходили в деревню. Мне захотелось выпить. (*Садится на скамью и кладет ноги на сиденье.*)

Миссис Уоррен. Как же это она ушла, не сказавши мне? (*Фрэнку.*) Подайте отцу стул, Фрэнк. Что за манеры?

Фрэнк вскакивает и с изысканным поклоном уступает отцу свой стул; берет другой стул, у стены, ставит его к столу и садится между отцом – справа и миссис Уоррен – слева.

Джордж, а где же вы будете ночевать? Здесь вам оставаться нельзя. И куда денется Предди?

Крофтс. Меня берет к себе Гарднер.

Миссис Уоррен. Ну, конечно, о себе вы позаботились. А как же Предди?

Крофтс. Не знаю. По-моему, он может переночевать в гостинице.

Миссис Уоррен. У вас не найдется для него места, Сэм?

Пастор. Э-э... видите ли, в качестве здешнего пастора я не могу поступать так, как мне лично нравится. Э-э... какое общественное положение занимает мистер Прейд?

Миссис Уоррен. Успокойтесь, он архитектор. Вы сущее ископаемое, Сэм!

Фрэнк. Да, можете быть спокойны, родитель. Он строил это поместье в Уэльсе для герцога... как его, Кернарвонский замок, что ли... Да вы, верно, знаете. (*Подмигивает миссис Уоррен и как ни в чем не бывало переводит взгляд на отца.*)

Пастор. Ах, в таком случае мы, разумеется, будем очень рады! Я полагаю, он лично знаком с герцогом?

Фрэнк. Ну еще бы, как нельзя лучше! Мы его упрячем в бывшую комнату Джорджины.

Миссис Уоррен. Ну, значит, это улажено. Хотя бы они поскорей приходили: надо ужинать. Что за прогулки, когда ночь на дворе.

Крофтс (*ворчливо*). А вам какая беда?

Миссис Уоррен. Беда или не беда, мне это не нравится.

Фрэнк. Лучше не дожидаться их, миссис Уоррен. Прейда теперь силком не загонишь. Ведь он понятия не имел, что значит бродить в летнюю ночь среди вереска с моей Виви.

Крофтс (*от изумления спускает ноги и садится как следует*). Послушайте! Нельзя ли полегче?

Пастор (*в испуге забывает о профессиональных манерах и говорит с искренним чувством и силой*). Фрэнк, раз и навсегда, об этом не может быть и речи. Миссис Уоррен тебе скажет, что об этом нечего и думать.

Крофтс. Разумеется, нечего.

Фрэнк (*с чарующим спокойствием*). Это верно, миссис Уоррен?

Миссис Уоррен (*в раздумье*). Право, Сэм, я не знаю. Если девочка хочет выйти замуж, что толку ее удерживать.

Пастор (*пораженный*). Но выйти за него! Вашей дочери за моего сына! Подумайте сами: это невозможно.

Крофтс. Разумеется, невозможно. Выкиньте это из головы, Китти.

Миссис Уоррен (*сердито*). Почему это! Разве моя дочь недостаточно хороша для его сына?

Пастор. Но, право же, дорогая миссис Уоррен, вы сами знаете причину...

Миссис Уоррен (*с вызовом*). Не знаю я никаких причин. А если вы знаете, расскажите Фрэнку, или Виви, или вашим прихожанам, коли хотите.

Пастор (*беспомощно откидываясь на спинку стула*). Вы прекрасно знаете, что я никому не могу сказать. Но мой сын поверит мне, если я ему скажу, что такие причины есть.

Фрэнк. Совершенно верно, папочка, он вам поверит. Но когда же ваши доводы влияли на поведение вашего сына?

Крофтс. Вы не можете на ней жениться, вот и все. (*Встает, подходит к камину и становится к Фрэнку спиной, решительно, нахмурившись.*)

Миссис Уоррен (*резко набрасывается на Крофтса*). Вам-то до этого какое дело, скажите, пожалуйста?

Фрэнк (*в самом нежном лирическом тоне*). Именно это я и сам собирался спросить, только по-своему, более деликатно.

Крофтс (*к миссис Уоррен*). Я полагаю, вы не захотите выдать девушку за человека моложе ее самой, без профессии и без гроша в кармане. Спросите Сэма, если вы мне не верите. (*Пастору.*) Много ли вы собираетесь дать вашему сыну?

Пастор. Ничего больше не дам. Он уже получил свою долю и в июле истратил последнюю.

Лицо миссис Уоррен вытягивается.

Крофтс (*наблюдает за ней*). Ну что? Я же вам говорил. (*Опять садится на скамью и кладет ноги на сиденье, по-видимому, считая вопрос решенным.*)

Фрэнк (*жалобно*). Все это так меркантильно. Неужели вы думаете, что мисс Уоррен выйдет замуж ради денег? Если мы любим друг друга...

Миссис Уоррен. Благодарю вас. Ваша любовь недорого стоит, мой милый. Если у вас нет средств содержать жену, то это решает дело: Виви вам не достанется.

Фрэнк (*посмеиваясь*). А вы что скажете, родитель?

Пастор. Я согласен с миссис Уоррен.

Фрэнк. А наш милейший Крофтс уже выразил свое мнение.

Крофтс (*сердито поворачивается, опираясь на локоть*). Вот что: мне надоели ваши дерзости.

Фрэнк (*колко*). Очень жаль, что приходится вас осадить, Крофтс, но вы сейчас позволили себе говорить со мной по-отечески. Мне и одного отца за глаза довольно, благодарю вас.

Крофтс (*презрительно*). Пф! (*Опять отворачивается.*)

Фрэнк (*вставая*). Миссис Уоррен, я не могу отказать от моей Виви даже ради вас.

Миссис Уоррен (*ворчит*). Негодный мальчишка!

Фрэнк (*продолжает*). И так как у вас, насколько я понимаю, другие виды, то я сию минуту объяснюсь с Виви.

Остальные смотрят на него во все глаза.

(Начинает декламировать.)

Судьбы страшится только тот,
Кто слишком осторожен;
А тот, кто смел, на все идет
И все отдаст – иль все возьмет.

Во время декламации дверь открывается; входят Прейд и Виви. Фрэнк умолкает. Прейд кладет шляпу на буфет. Манеры всего общества мгновенно изменяются к лучшему. Крофтс снимает ноги со скамьи и садится как следует, уступая Прейду место рядом с собою. Миссис Уоррен тоже подтягивается и отводит душу в воркотне.

Миссис Уоррен. Где ты была, Виви?

Виви *(снимает шляпу и небрежно бросает ее на стол)*. На холме.

Миссис Уоррен. Как же ты ушла, не сказавшись мне? Почему я знаю, куда ты девалась? А тут еще ночь на дворе!

Виви *(подходит к двери в кухню и открывает ее, не обращая внимания на мать)*. Как насчет ужина?

Все, кроме миссис Уоррен, встают.

Боюсь, что нам здесь будет тесновато.

Миссис Уоррен. Ты слышишь, что я говорю, Виви?

Виви *(спокойно)*. Да, слышу. *(Возвращаясь к вопросу об ужине.)* Сколько нас тут? *(Считает.)* Один, два, три, четыре, пять, шесть. Ну что ж, двоим придется подождать, пока остальные кончат: у миссис Элисон всего четыре прибора.

Прейд. О, не беспокойтесь обо мне, я...

Виви. Вы долго гуляли и проголодались, мистер Прейд; вы сейчас же сядете ужинать. Сама я могу подождать. Кто-нибудь один составит мне компанию. Фрэнк, вы хотите есть?

Фрэнк. Совсем не хочу... окончательно потерял аппетит, по правде говоря.

Миссис Уоррен. Вы тоже не голодны, Джордж. Вы можете подождать.

Крофтс. Да, как бы не так, я после чая еще ничего не ел. Может быть, Сэм подождет?

Фрэнк. Вы хотите уморить голодом моего бедного папу?

Пастор *(недовольно)*. Позвольте мне говорить самому за себя, сэр. Я с удовольствием подожду.

Виви *(решительно)*. Это совсем не нужно. Ждать придется только двоим. *(Распахивает дверь в кухню.)* Мистер Гарднер, дайте руку маме.

Достопочтенный Сэмюэль ведет миссис Уоррен в кухню, за ним следуют Прейд и Крофтс. Все, кроме Прейда, явно недовольны таким порядком действий, но не знают, как ему воспротивиться. Виви стоит в дверях и смотрит на них.

Вы можете протиснуться в тот уголок, мистер Прейд? Это довольно трудно. Осторожней, не запачкайтесь об стенку – вот так. Ну как, теперь вам удобно?

Прейд *(из кухни)*. Вполне, благодарю вас.

Миссис Уоррен *(из столовой)*. Не закрывай двери, милая.

Виви хочет возразить, но Фрэнк останавливает ее жестом, крадется на цыпочках к входной двери и бесшумно распахивает ее настежь.

Господи, какой сквозняк! Лучше закрой дверь, душенька.

Виви хлопает дверью и, с неудовольствием заметив, что шляпа и шаль ее матери валяются на стуле, аккуратно складывает их на подоконник. Фрэнк бесшумно закрывает входную дверь.

Фрэнк (*торжествующе*). Ага! Насилу отделались. Ну, Виввумс, как вам понравился мой родитель?

Виви (*задумчиво и серьезно*). Я с ним и двух слов не сказала. По-моему, он пороку не выдумает.

Фрэнк. Нет, знаете ли, старик вовсе не так глуп, как кажется. Понимаете, он стал священником не по своей охоте и, стараясь выдержать эту роль, строит дурака и пересаливает при этом. Нет, родитель вовсе не так плох, бедняга. Вы не думайте, я его даже люблю. Намерения у него самые благие. Как по-вашему, вы с ним поладите?

Виви (*довольно сухо*). Не думаю, чтобы в будущем мне пришлось иметь с ним дело да и со всем кружком маминых старых друзей, исключая, пожалуй, Прейда. (*Садится на скамью.*) А как вам понравилась моя мать?

Фрэнк. По чистой совести?

Виви. По чистой совести.

Фрэнк. Что ж, она занятная. Только и штучка же, доложу я вам. А Крофтс!.. О боже ты мой, Крофтс! (*Усаживается рядом с Виви.*)

Виви. Ну и компания, Фрэнк!

Фрэнк. Ну и народец!

Виви (*со всей силой презрения*). Если бы я думала, что буду такая же, что из меня выйдет пустельга без единой мысли в голове, у которой только и забот, как бы убить время от завтрака до обеда и от обеда до ужина, пустельга без выдержки, без характера, я бы ни минуты не колебалась: вскрыла бы себе вены, и дело с концом.

Фрэнк. Нет, нет, не надо. К чему им себя утруждать, если они могут прожить и без забот? Хотел бы я, чтобы и мне так повезло. А вот что они не в форме, это мне не нравится. Опустились, ужасно опустились, это никуда не годится.

Виви. А вы думаете, что в старости будете лучше Крофтса, если не возьметесь за дело?

Фрэнк. Конечно, какое же может быть сравнение! К чему Виввумс читать нотации: ее мальчик неисправим. (*Нежно берет лицо Виви в свои руки.*)

Виви (*резко отводя его руки*). Отстаньте. Виввумс сегодня не в настроении нежничать со своим мальчиком. (*Встает и переходит на другую сторону комнаты.*)

Фрэнк (*следуя за ней по пятам*). Какая недобрая!

Виви (*топает на него*). Перестаньте шутить. Я говорю серьезно.

Фрэнк. Хорошо. Подойдем к этому научно. Мисс Уоррен, известно ли вам, что все передовые мыслители единогласно утверждают, будто бы значительная часть недугов современной цивилизации объясняется любовным голоданием среди молодежи? Так вот я...

Виви (*резко прерывает его*). Вы становитесь невыносимы. (*Отворяет дверь в кухню.*) Найдется у вас место для Фрэнка? Он жалуется на голод.

Миссис Уоррен (*из кухни*). Конечно, найдется. (*Гремит ножками и стаканами, передвигая приборы.*) Вот рядом со мной есть место. Идите сюда, мистер Фрэнк.

Фрэнк. Виввумс здорово достанется за это от ее мальчика. (*Уходит в кухню.*)

Миссис Уоррен (*из кухни*). И ты тоже, Виви, иди сюда, деточка. Ты, верно, проголодалась.

Входит миссис Уоррен, за ней Крофтс, который с подчеркнутым уважением держит дверь открытой перед Виви. Она выходит, не глядя на него; Крофтс закрывает за ней дверь.

Как, Джордж, неужели вы поужинали? Вы же ничего не ели. Что это с вами случилось?

Крофтс. Мне хотелось только пить. *(Засовывает руки в карманы и начинает расхаживать по комнате, встревоженный и недовольный.)*

Миссис Уоррен. Уж на что я люблю поесть, но тут особенно не разойдешься: холодная говядина, сыр да салат. *(Вздыхает, словно не совсем сыта, и лениво усаживается на скамью у камина.)*

Крофтс. К чему вы поощряете этого щенка?

Миссис Уоррен *(сразу насторожившись)*. Послушайте, Джордж, что вам далась эта девочка? Я ведь заметила, как вы на нее смотрите. Не забывайте, что я вас знаю, мне понятно, что значат эти ваши взгляды.

Крофтс. Подумаешь, беда, уж и посмотреть на нее нельзя?

Миссис Уоррен. Я бы вас выставила за дверь и спровадила обратно в Лондон, если бы заметила, что у вас на уме глупости. Мне один мизинец моей дочери дороже, чем вы со всеми вашими потрохами.

Крофтс отвечает ей насмешливой улыбкой. Миссис Уоррен, покраснев оттого, что не произвела впечатления в роли любящей матери, сбавляет тон.

Успокойтесь, у этого щенка не больше вашего шансов на успех.

Крофтс. Уж нельзя человеку проявить интерес к девушке!

Миссис Уоррен. Только не такому человеку, как вы.

Крофтс. Сколько ей лет?

Миссис Уоррен. Не ваше дело.

Крофтс. Почему вы из этого делаете тайну?

Миссис Уоррен. Потому что я так хочу.

Крофтс. Что ж, мне еще нет пятидесяти, мое состояние не уменьшилось...

Миссис Уоррен *(прерывает его)*. Ну еще бы! Вы хоть и кутила, а скарред...

Крофтс *(продолжает)*. ...а баронеты не каждый день подвертываются под руку. Никто другой с моим положением в обществе не станет терпеть такую тещу, как вы. Почему бы ей не выйти за меня?

Миссис Уоррен. За вас?

Крофтс. Мы отлично зажили бы втроем. Я умру раньше, она останется эффектной вдовой с круглым капиталцем. Почему же нет? Это пришло мне в голову, пока я гулял тут с этим болваном.

Миссис Уоррен *(с возмущением)*. Да, да, только такое и приходит вам в голову!

Крофтс останавливается на полдороге, и оба они смотрят друг на друга: она – прямо в глаза, с презрительной миной, за которой таится страх, он – искоса, с плотоядным блеском в глазах, с циничной усмешкой искусителя.

Крофтс *(начинает беспокоиться и настаивать, видя, что миссис Уоррен не проявляет никакого сочувствия)*. Послушайте, Китти, вы рассудительная женщина, вам незачем прикидываться ханжой. Я ни о чем не спрашиваю, и вам не нужно отвечать. Я завещаю ей все мое состояние, а если вам лично понадобится чек в день свадьбы, можете сами назначить сумму... в пределах благоразумия.

Миссис Уоррен. И вы тем же кончили, Джордж, чем кончают все старые развалины!

Крофтс *(свирепо)*. Черт бы вас побрал!

Прежде чем миссис Уоррен успевает ему ответить, дверь из другой комнаты открывается; слышны приближающиеся голоса. Крофтс, не в силах овладеть собой, выбегает из коттеджа. Входит пастор.

Пастор *(оглядываясь по сторонам)*. А где же сэр Джордж?
Миссис Уоррен. Пошел выкурить трубку.

Пастор берет шляпу со стола и подсаживается к миссис Уоррен. Тем временем входит Виви, за ней Фрэнк, который бросается на первый попавшийся стул с видом крайнего утомления.

(Оглядывается на Виви и говорит, подчеркивая материнскую заботливость более обычного.) Ну, душенька, хорошо поужинала?

Виви. Вы же знаете, что такое ужины миссис Элисон. *(Обращается к Фрэнку, очень ласково.)* Бедняжка Фрэнк! Неужели всю говядину съели? Неужели ему так-таки ничего и не досталось, кроме хлеба с сыром да имбирного пива? *(Серьезным тоном, словно решив, что шутки на сегодня довольно.)* Масло просто ужасное. Нужно будет заказать в лавке.

Фрэнк. Да, закажите, ради бога!

Виви подходит к письменному столу и делает пометку, чтобы не забыть заказать масло. Из кухни входит Прейд, пряча в карман платок, которым он пользовался вместо салфетки.

Пастор. Фрэнк, мой мальчик, нам пора домой. Твоя мать еще не знает, что у нас будут гости.

Прейд. Боюсь, что мы вас стесним.

Фрэнк. Нисколько, Прейд. Моя мать будет в восторге. Это истинно утонченная, художественная натура, и круглый год она не видит никого, кроме родителя; можете себе представить, каково ей здесь живется! Скучища смертная! *(Достопочтенному Сэмюэлю.)* Вы ведь не художественная натура, верно? Так вот, берите Прейда и ведите его домой, а я останусь здесь и побеседую с миссис Уоррен. Крофтса вы найдете в саду. Он составит отличную компанию нашему бульдогу.

Прейд *(берет с буфета шляпу и подходит к Фрэнку)*. Идемте с нами, Фрэнк. Миссис Уоррен давно не видела мисс Виви, а мы им не дали побыть ни минуты вместе.

Фрэнк *(расчувствовавшись, смотрит на Прейда с сентиментальным восхищением)*. Ну, разумеется, я совсем забыл. Благодарю, что напомнили. Джентльмен с головы до пят, Предди! Всегда вы были моим идеалом, на всю жизнь! *(Поднимается с места, но на минуту останавливается между отцом и Прейдом и кладет руку на плечо Прейда.)* Ах, если бы вы были моим отцом вместо этого недостойного старика! *(Кладет другую руку на плечо отцу.)*

Пастор *(кипится)*. Молчать, сэр, молчать! Не кощунствуйте.

Миссис Уоррен *(смеется от души)*. Вам надо держать его поостроже, Сэм. Доброй ночи. Вот передайте Джорджу его шляпу и палку с приветом от меня.

Пастор *(берет и то и другое)*. Спокойной ночи. *(Прощается. Проходя мимо Виви, прощается с ней и пожимает ей руку, потом грозно командует Фрэнку.)* Домой, сэр, сию минуту домой! *(Уходит.)*

Миссис Уоррен. До свидания, Предди.

Прейд. До свидания, Китти. *(Дружески жмут друг другу руки и вместе выходят.)*

Миссис Уоррен провожает его до калитки.

Фрэнк. А поцеловаться?

Виви. Нет. Я вас ненавижу. *(Берет книги и бумагу с письменного стола и садится с ними к другому столу, поближе к камину.)*

Фрэнк *(с гримасой)*. Жаль. *(Идет за ружьем и кепи.)*

Тем временем миссис Уоррен возвращается.

(Берет ее за руку.) Спокойной ночи, дорогая миссис Уоррен. *(Целует ей руку.)*

Миссис Уоррен выдергивает руку, поджав губы, и, как видно, очень не прочь надрать ему уши. Фрэнк лукаво смеется и выбегает, хлопнув дверью.

Миссис Уоррен *(покорившись мысли, что придется проскучать вечер без мужчин)*. Ну, видела ли ты когда-нибудь такого болтуна? Вот озорник! *(Садится за стол.)* Я думаю, милочка, ты напрасно его поощряешь. По-моему, он самый настоящий шалопай.

Виви *(встает, чтобы взять еще несколько книг)*. Да, боюсь, что бедняжка Фрэнк действительно шалопай. Надо будет от него отделаться; но мне его жалко, хоть он этого и не стоит, бедный мальчик. Этот Крофтс тоже, по-моему, не слишком приятная фигура, правда? *(Резким движением бросает книги на стол.)*

Миссис Уоррен *(уязвленная равнодушным тоном Виви)*. Что ты знаешь о мужчинах, чтобы так о них разговаривать? Сэр Джордж – мой друг, ты теперь часто будешь его видеть, и тебе придется примириться с этим.

Виви *(невозмутимо)*. Почему? *(Садится и раскрывает книгу.)* Вы думаете, мы так часто будем бывать вместе? Я хочу сказать: мы с вами?

Миссис Уоррен *(смотрит на нее в изумлении)*. Конечно, до тех пор, пока ты не выйдешь замуж. Ты ведь больше не вернешься в колледж.

Виви. Вы думаете, что мой образ жизни подойдет вам? Я в этом сомневаюсь.

Миссис Уоррен. Твой образ жизни! Что ты этим хочешь сказать?

Виви *(разрезая книгу ножом, висящим у нее на поясе)*. Мама, вам никогда не приходило в голову, что у меня тоже есть свой образ жизни, как у других людей?

Миссис Уоррен. Что за вздор ты болтаешь? Тебе, должно быть, хочется показать свою независимость, раз ты стала такой важной особой у себя в школе. Не дури, милая.

Виви *(снисходительно)*. Больше вам нечего сказать по этому поводу, мама?

Миссис Уоррен *(растерянно, потом сердито)*. Что ты ко мне пристала? *(В бешенстве.)* Придержи язык!

Виви продолжает работать, не теряя времени.

Туда же со своим образом жизни, скажите, пожалуйста! Еще чего! *(Опять смотрит на Виви. Та не отвечает.)* Образ жизни у тебя будет такой, какой мне вздумается, вот и все.

Опять пауза.

То-то, я вижу, ты напустила на себя важность, с тех пор как выдержала этот самый экзамен... как он там у вас называется? Если ты думаешь, что я это буду терпеть, то ошибаешься; и чем скорей ты это поймешь, тем лучше. *(Бормочет.)* Больше мне нечего сказать

по этому поводу. Ну-ну! (*Опять сердито повышает голос.*) Да вы знаете ли, с кем разговариваете, мисс?

Виви (*смотрит на нее через стол, не поднимая головы от книги*). Нет, не знаю. Кто вы и что вы?

Миссис Уоррен (*встает, задыхаясь*). Ах ты дрянь!

Виви. Моя репутация, мое общественное положение и профессия, которую я себе выбрала, всем известны. А мне о вас ничего не известно. Какой образ жизни вы приглашаете меня разделить с вами и сэром Джорджем Крофтсом, скажите, пожалуйста?

Миссис Уоррен. Смотри! Как бы я не сделала что-нибудь такое, о чем потом пожалею, да и ты тоже.

Виви (*спокойно и решительно отодвигая книги в сторону*). Что ж, оставим этот разговор, пока вы не будете в состоянии вести его. (*Рассматривает мать критически.*) Вам нужно побольше ходить пешком и играть в теннис. Вы возмутительно опустили и не в форме; сегодня вы не могли сделать двадцати шагов в гору без одышки, а руки у вас сплошной жир. Смотрите, какие у меня руки. (*Показывает руки.*)

Миссис Уоррен (*беспомощно взглянув на нее, начинает хныкать*). Виви...

Виви (*вскакивает с места*). Пожалуйста, не начинайте плакать. Все, что угодно, только не это. Я совершенно не выношу слез. Я уйду из комнаты, если вы заплачете.

Миссис Уоррен (*жалобно*). Моя дорогая, как можешь ты быть так резка со мной? Разве я не имею права на тебя как твоя мать?

Виви. А это верно, что вы моя мать?

Миссис Уоррен (*в ужасе*). Верно ли, что я твоя мать? О Виви!

Виви. Тогда где же наши родные? Где мой отец, где друзья нашей семьи? Вы предъявляете права матери: право называть меня деточкой и глупышкой; говорить со мной в таком тоне, как ни одна преподавательница в колледже не смела со мной говорить; диктовать мне правила поведения и навязывать мне в знакомые скота, лондонского кутилу самого последнего разбора – это всякому сразу видно. Я еще не оспариваю этих прав, я хочу сперва узнать, имеется ли для них реальное основание?

Миссис Уоррен (*в отчаянии бросается на колени*). О нет, нет! Не надо, не надо! Я твоя мать! Я клянусь тебе! Не может быть, чтобы ты пошла против меня – ты, мое собственное дитя; не выродок же ты. Ты ведь веришь мне? Скажи, что ты мне веришь.

Виви. Кто мой отец?

Миссис Уоррен. Ты сама не знаешь, о чем ты спрашиваешь. Этого я не могу сказать.

Виви (*решительно*). Нет, можете, если захотите. Я имею право знать, и вам очень хорошо известно, что я имею это право. Можете не говорить мне, если вам угодно, но в таком случае завтра утром мы с вами расстанемся навсегда.

Миссис Уоррен. Я не могу этого слышать, это ужасно! Ты не захочешь... ты не бросишь меня.

Виви (*непреклонно*). Брошу, и не колеблясь ни минуты, если вы не перестанете этим шутить. (*Вздвигнув от отвращения.*) Как могу я быть уверена, что в моих жилах не течет отравленная кровь этого прожигателя жизни?

Миссис Уоррен. Нет, нет! Клянусь, что это не он и не кто-нибудь другой из тех, кого ты знаешь. По крайней мере хоть в этом я уверена.

Виви сурово взглядывает на мать, когда до нее доходит смысл этих слов.

Виви (*с расстановкой*). По крайней мере в этом вы уверены... Ага! Вы хотите сказать, что это все, в чем вы уверены. (*Задумчиво.*) Понимаю.

Миссис Уоррен закрывает лицо руками.

Будет, мама, вы же ничего такого не чувствуете.

Миссис Уоррен опускает руки и жалостно взглядывает на Виви.

(Достает часы из кармана и говорит.) Ну, на сегодня довольно. В котором часу подавать завтрак? В половине девятого не слишком рано для вас?

Миссис Уоррен *(вне себя)*. Боже мой, что ты за женщина?

Виви *(хладнокровно)*. Женщина, каких очень много на свете, я надеюсь. Иначе не понимаю, как бы на этом свете делалось дело. Ну же! *(Берет мать за руки и решительно поднимает ее.)* Возьмите себя в руки. Вот так.

Миссис Уоррен *(ворчливо)*. Как ты груба со мной, Виви!

Виви. Пустяки. Не пора ли спать? Уже одиннадцатый час.

Миссис Уоррен *(с ожесточением)*. Что толку ложиться? Неужели ты думаешь, что я засну теперь?

Виви. Почему же нет? Я засну.

Миссис Уоррен. Ты! У тебя нет сердца. *(Вдруг раздражается бурной тирадой на естественном для нее языке женщины из простонародья, махнув рукой на материнский авторитет и на светские условности и обретя новую силу в сознании собственной правоты.)* Нет, не могу я больше терпеть. Где же после этого справедливость? Какое ты имеешь право задирать нос передо мной? Ты передо мной хвастаешься, чем ты стала! Передо мной! А кто, как не я, тебе в этом помог? А мне кто помогал? Стыдно тебе! Ты дурная дочь, ханжа и гордячка!

Виви *(садится, пожимая плечами, но без прежней уверенности; ее слова, которые за минуту до этого казались ей самой такими благоразумными и убедительными, звучат сухо и лицемерно по сравнению с той силой, которая слышится в тоне миссис Уоррен)*. Не думайте, ради бога, что я ставлю себя выше вас. Вы нападали на меня, пользуясь материнским авторитетом; я защищалась, пользуясь превосходством порядочной женщины. Скажу прямо, я не намерена терпеть ваши выходки; но если вы прекратите их, вам не придется терпеть от меня. У вас могут быть свои убеждения, свой образ жизни – это ваше право; я вам мешать не буду.

Миссис Уоррен. Мои убеждения, мой образ жизни! Вы послушайте ее только! Что же, по-твоему, я воспитывалась так же, как ты, могла привередничать и выбирать себе образ жизни? По-твоему, я потому на это пошла, что мне нравилась такая жизнь или я думала, что так и следует, и не захотела бы поступить в колледж и стать образованной, если б у меня была возможность!

Виви. Какой-нибудь выбор есть у каждого. Не всякая девушка может стать королевой Англии или начальницей Ньюхэмского колледжа, но даже самая бедная может стать либо тряпичницей, либо цветочницей, смотря по вкусу. Люди всегда сваливают вину на силу обстоятельств. Я не верю в силу обстоятельств. В этом мире добивается успеха только тот, кто ищет нужных ему условий и, если не находит, создает их сам.

Миссис Уоррен. На словах все легко, очень легко, а вот не хочешь ли, я тебе расскажу, какие были у меня условия?

Виви. Да, расскажите. Может быть, вы сядете?

Миссис Уоррен. Сяду, сяду, не беспокойся. *(С ожесточенной энергией выдвигает стул вперед и садится.)*

Виви смотрит на нее с невольным уважением.

Знаешь, кто была твоя бабушка?

Виви. Нет.

Миссис Уоррен. Нет, не знаешь! Так я тебе скажу. Она называла себя вдовой, торговала жареной рыбой в лавчонке близ Монетного двора и жила на это с четырьмя дочерьми. Две из них были родные сестры – это мы с Лиз; и обе мы были красивые и статные. Должно быть, наш отец был человек сытый и гладкий. Мать врала, будто бы он был из благородных, – ну, не знаю. А другие две – наши сводные сестры – были шуплые, некрасивы, сущие заморыши, зато честные и работающие. Мы с Лиз забили бы их до смерти, если б не мать, – та нас тоже била смертным боем, чтобы мы их не трогали. Ну и чего же они добились своей честностью? Я тебе скажу. Одна работала на фабрике свинцовых белил по двенадцать часов в день за девять шиллингов в неделю, пока не умерла от свинцового отравления. Она думала, что у нее только руки отнимутся, но она умерла. Другую нам всегда ставили в пример, потому что она вышла замуж за рабочего с продовольственного склада и содержала его комнату и трех ребят в чистоте и опрятности на восемнадцать шиллингов в неделю... пока муж не запил. Стоило ради этого быть честной, как ты думаешь?

Виви (*с сосредоточенным вниманием*). Вы с сестрой так думали тогда?

Миссис Уоррен. Лиз думала по-своему, у нее характер сильней. Мы с ней учились в церковной школе, а все для того, чтобы быть похожими на леди и хвастаться перед другими девчонками, которые нигде не учились и ничего не знали. Потом Лиз в один прекрасный вечер ушла из дому да так и не вернулась. Учительница думала, что и я скоро пушусь по той же дорожке; недаром священник все твердил мне, что Лиззи плохо кончит – бросится с Ватерлооского моста. Идиот несчастный, много он смыслил! Ну, а меня фабрика белил пугала больше, чем река; да и ты бы испугалась на моем месте. Священник устроил меня судомойкой в ресторан общества трезвости – за спиртным можно было посылать. Потом я стала кельнершей; потом перешла в бар на Ватерлооском вокзале – четырнадцать часов в сутки подавать и мыть рюмки за четыре шиллинга в неделю, на своих харчах. Это считалось большим повышением. И вот в одну мерзкую, холодную ночь, когда я так устала, что едва держалась на ногах, заходит в бар за полпинтой виски – кто бы ты думала? – Лиззи! В длинной меховой ротонде, нарядная и беззаботная, с целой кучей золотых в кошельке.

Виви (*угрюмо*). Моя тетушка Лиззи?

Миссис Уоррен. Да, и такую тетушку никому не стыдно иметь! Она живет сейчас в Уинчестере, рядом с собором; она там одна из первых дам в городе. Вывозит молодых девушек на балы, вот как! Станет она топиться, как бы не так! Ты вся в нее: она всегда была деловая женщина – всегда копила деньги, умела казаться настоящей дамой, никогда не теряла головы и не упускала случая. Когда она увидела, какая из меня выросла красавица, она тут же сказала мне через стойку: «Что ты здесь делаешь, дурочка? Убиваешь здоровье и красоту для того, чтобы другие наживались?» Лиз тогда копила деньги, чтобы открыть собственное заведение в Брюсселе, и решила, что вдвоем мы накопим скорее. Она дала мне займы и научила, как взяться за дело; и я тоже начала мало-помалу откладывать деньги – сперва отдала ей долг, а потом вошла в дело компаньоном. Чего ради мне было отказываться? Дом в Брюсселе был самый первоклассный и уж куда более подходящее место для женщины, чем та фабрика, где отравилась Энн-Джейн. Ни с одной из наших девушек не обращались так, как со мной, когда я работала судомойкой в этом ресторане общества трезвости, или в вокзальном баре, или дома. По-твоему, лучше бы я извелась на черной работе и к сорока годам стала старухой?

Виви (*теперь взволнованная рассказом*). Нет, но почему вы выбрали такую профессию? Копить деньги и добиваться успеха можно и во всяком деле.

Миссис Уоррен. Да, копить деньги! А откуда женщине взять эти самые деньги в другом деле? Попробуй-ка отложи что-нибудь из четырех шиллингов в неделю; да еще и одеться

надо на эти же деньги. Ничего не выйдет. Другое дело, если ты некрасива и много не зарабатываешь, или если у тебя есть способности к музыке, или к сцене, или к газетной работе. А мы с Лиз ничего этого не умели; только и всего, что были хорошенькие и могли нравиться мужчинам. Так неужели нам с Лиз было оставаться в дурах, чтоб другие, нанимая нас в кельнерши, продавщицы, кассирши, торговали нашей красотой, когда мы сами могли торговать ею и получать на руки не какие-то гроши, а всю прибыль сполна? Как же, держи карман!

Виви. Вы, разумеется, были совершенно правы – с практической точки зрения.

Миссис Уоррен. Да и со всякой другой тоже. Чему учат порядочных девушек, как не тому, чтобы ловить женихов и, выйдя за богатого, жить на его денежки? Как будто брак что-нибудь меняет. Просто с души воротит от такого лицемерия! Нам с Лиз приходилось работать, экономить и рассчитывать, как всем другим людям, иначе мы были бы такие же нищие, как любая распустеха и пьяница, которая воображает, что ей всегда будет везти. *(С большой силой.)* Презираю таких женщин! Они просто тряпки. А что я ненавижу в женщинах, так это бесхарактерность.

Виви. Но, мама, скажите откровенно: ведь всякой женщине с характером, как вы это называете, должно быть просто противно зарабатывать деньги таким способом?

Миссис Уоррен. Ну да, конечно. Никому не нравится работать и зарабатывать деньги, да ведь приходится. Иной раз пожалеешь бедную девушку: она и устала, и не в духе, а тут нужно угождать мужчине, до которого ей дела нет, – какому-нибудь полупьяному дураку, который воображает, что очень любезен, а сам дразнит, пристаёт и надоедает женщине так, что никаким деньгам не обрадуешься. Ну, тут уж приходится мириться с неприятностями и терпеть всякое, как терпят сиделки в больнице. Ради собственного удовольствия ни одна женщина не пойдет на эту работу; а послушать наших ханжей, так это сплошные розы!

Виви. А все-таки вы считаете, что стоит этим заниматься? Дело выгодное?

Миссис Уоррен. Бедной девушке, разумеется, стоит, если она не поддается соблазну, если она красива, строгих правил и с умом. Это гораздо лучше всех других дорог, какие открыты для женщин. Я, конечно, всегда считала, что это неправильно. Как это несправедливо, Виви, что для женщины нет лучшей дороги. Что бы ни говорили, а я стою на своем: это несправедливо. Но справедливо или нет, а дело от этого не меняется, и простым девушкам приходится с этим мириться. А вот образованной девушке, разумеется, не стоит. Если бы ты за это взялась, то была бы дура, а я была бы дура, если бы взялась за что-нибудь другое.

Виви *(все сильнее и сильнее волнуясь)*. Мама, предположим, мы с вами были бы бедны, как вы в те горькие дни, – вы уверены, что не посоветовали бы мне лучше выйти за рабочего, поступить в бар или даже на фабрику?

Миссис Уоррен *(с негодованием)*. Конечно, нет. Хорошая же я, по-твоему, мать! Да ты и сама перестала бы уважать себя, если б голодала и работала, как каторжник! А чего стоит женщина да и вся наша жизнь без уважения к себе? Почему я ни в ком не нуждаюсь и в состоянии дать моей дочери первоклассное образование, а другие женщины, у которых были возможности не хуже моих, очутились на улице? Потому что я никогда не теряла выдержки и уважения к себе. Почему Лиз все уважают в Уинчестере? Да все потому же. А где бы мы были, если б слушали бредни священника? Мыли бы полы за полтора шиллинга в день, и в будущем рассчитывать нам было бы не на что, кроме дома призрения и больничной койки. Пусть тебя не сбивают с толку те, кто не знает жизни, моя деточка. Единственный способ для женщины прилично обеспечить себя – это завести себе мужчину, которому по средствам содержать любовницу. Если она одного с ним круга, пускай выходит за него замуж; если она ниже – ей нечего на это рассчитывать, да и не стоит: это ей не принесет счастья. Спроси любую даму высшего круга, и она тебе скажет то же, только я тебе говорю прямо, а та начнет разводить турусы на колесах. Вот и вся разница.

Виви (*смотря на нее, как очарованная*). Милая мама, вы удивительная женщина, другой такой нет. И вы в самом деле ни капельки не сомневаетесь... и... и не стыдитесь?

Миссис Уоррен. Нет, милая. Ведь это только так принято стыдиться, этого от женщины ждут. Женщине часто приходится кривить душой, хотя она и не чувствует ничего такого. Лиз, бывало, сердилась на меня за то, что я все выкладываю начистоту. Она говорила, что нечего об этом трубить, каждая женщина сама поймет, как себя держать, на это есть глаза. Ну да ведь Лиз – настоящая леди! У нее это от природы, а я всегда была немножко простовата. Когда ты мне присылала свои карточки, я так бывала рада, что ты растешь похожей на Лиз; у тебя то же благородство и решительность в манерах. Ну, а я терпеть не могу говорить одно, когда все знают, что я думаю другое. Что толку лицемерить? Если женщину заставляют вести такую жизнь, незачем притворяться, что она какая-то иная. Нет, по правде сказать, я никогда ни капельки не стыдилась. По-моему, я имею право гордиться, что мы все так прилично устроили и никто про нас слова худого не скажет; и нашим девушкам всегда хорошо жилось. Некоторые из них очень хорошо устроились, одна даже вышла замуж за посланника. Но теперь я, конечно, об этом ни гугу; что о нас подумают? (*Зекает.*) О господи! Я все-таки спать захотела в конце концов. (*Лениво потягивается, чувствуя себя умиротворенной после бурной вспышки и готовая спокойно отойти ко сну.*)

Виви. Зато я теперь, должно быть, не усну. (*Идет к буфету и зажигает свечу, потом гасит лампу; в комнате становится гораздо темнее.*) Надо впустить свежего воздуха, прежде чем запереть окна. (*Распахивает дверь, на дворе ярко светит луна.*) Какая ночь! Посмотрите! (*Отдергивает занавеску на окне.*)

Все залито сиянием восходящей луны.

Миссис Уоррен (*окидывая пейзаж небрежным взглядом*). Да, милая, только смотри не схвати простуду от ночного воздуха.

Виви (*презрительно*). Пустяки.

Миссис Уоррен (*обиженно*). Ну да, все, что я говорю, по-твоему, пустяки.

Виви (*оборачивается к ней*). Нет, что вы, мама, вовсе нет. Вы меня окончательно победили сегодня, а я думала, что выйдет по-другому. Мы подружimsя теперь, хорошо?

Миссис Уоррен (*с некоторым унынием качает головой*). То-то и есть, что вышло по-другому. Ну что ж, ничего не поделаешь. Мне всегда приходилось уступать Лиз, а теперь, видно, придется уступать тебе.

Виви. Ну, ничего. Подите ко мне. Спокойной ночи, моя милая старенькая мама. (*Обнимает мать.*)

Миссис Уоррен (*нежно*). Я хорошо тебя воспитала – правда, милая?

Виви. Правда.

Миссис Уоррен. И ты за это будешь ласкова со старухой матерью, правда?

Виви. Буду, мама.

Миссис Уоррен (*елейным тоном*). Дай я тебя благословлю, моя родная, милая деточка, материнским благословением.

(*Нежно обнимает дочь и возводит глаза к потолку, словно испрашивает благословения свыше.*)

Действие третье

Утро следующего дня в пасторском саду; с безоблачного неба сияет солнце. В садовой стене, как раз посередине, деревянная калитка, такая широкая, что проедет карета. Рядом с калиткой колокольчик, соединенный с висящей снаружи ручкой. Аллея для экипажей проходит посередине сада, сворачивает налево и заканчивается перед крыльцом круглой, усыпанной гравием площадкой. За калиткой видна пыльная дорога, идущая параллельно стене, за дорогой узкая полоска травы и неогороженная сосновая роща. На лужайке, между домом и аллеей, подстриженный тис, под ним садовая скамейка. С противоположной стороны сада идет буксовая изгородь; на газоне солнечные часы и рядом с ними железный стул. Узкая тропинка позади солнечных часов ведет к изгороди. Фрэнк сидит на стуле возле солнечных часов, положив на них утренние газеты, и читает. Пастор выходит из дома. Его знобит, глаза у него красные. Он неуверенно смотрит на Фрэнка.

Фрэнк (*вынув из кармана часы*). Половина двенадцатого. Нечего сказать, подходящее время для пастора являться к завтраку!

Пастор. Не издевайся, Фрэнк, не издевайся. Я немного... э-э... (*Вздрагивает.*)

Фрэнк. Раскис?

Пастор (*с негодованием, протестуя против этого выражения*). Нет, сэр, нездоров сегодня с утра. Где твоя мать?

Фрэнк. Не бойтесь, ее здесь нет. Забрала с собой Бесси и уехала в город с поездом одиннадцать тринадцать. Просила передать вам несколько поручений. Чувствуете ли вы себя в силах выслушать меня сейчас, или подождать, пока вы позавтракаете?

Пастор. Я уже завтракал. Удивляюсь, как могла твоя мать уехать в город, когда у нас гости. Они сочтут это странным.

Фрэнк. Возможно, она это предвидела. Во всяком случае, если Крофтс останется у нас гостить и вы с ним намерены каждую ночь просиживать до четырех часов, вспоминая события вашей бурной молодости, то ее прямой долг как хорошей хозяйки поехать в город и заказать бочонок виски и сотни три сифонов содовой.

Пастор. Я не заметил, чтобы сэр Джордж пил через меру.

Фрэнк. Вы были не в состоянии это заметить, родитель.

Пастор. Ты хочешь сказать, что я...

Фрэнк (*спокойно*). Я в жизни не видел менее трезвого пастора. Анекдоты, которые вы рассказывали о вашем прошлом, были просто ужасны; я не думаю, чтобы Прейд остался ночевать под вашим кровом, если б они с матерью не пришли так по душе друг другу.

Пастор. Глупости, сэр Джордж Крофтс – мой гость. Должен же я о чем-нибудь с ним разговаривать, а у него только одна тема для разговора... Где сейчас мистер Прейд?

Фрэнк. Повез маму и Бесси на станцию.

Пастор. А Крофтс встал?

Фрэнк. О, давным-давно. Он ни в одном глазу! Видно, что у него было больше практики, чем у вас, а всего вернее, и сейчас не бросил. Ушел куда-то покурить.

Фрэнк опять берется за газету. Достопочтенный Сэмюэль в унынии поворачивает к калитке, потом нерешительно возвращается.

Пастор. Э-э...

Фрэнк. Да?

Пастор. Как по-твоему, эти Уоррены ждут, что мы их пригласим к себе после вчерашнего?

Фрэнк. Они уже приглашены.

Пастор *(в ужасе)*. Что?!

Фрэнк. Крофтс сообщил за завтраком, что вы просили его пригласить к нам миссис Уоррен и Виви и передать им, чтобы они располагались здесь как дома. Именно после этого сообщения мама вспомнила, что ей нужно поехать в город с поездом одиннадцать тринадцать.

Пастор *(в припадке отчаяния)*. Никогда я их не приглашал! У меня этого и в мыслях не было.

Фрэнк *(сочувственно)*. Где же вам знать, родитель, что вы вчера думали и чего не думали?

Прейд *(входит в калитку)*. Доброе утро.

Пастор. Доброе утро. Я должен извиниться перед вами, что не вышел к завтраку. У меня... э-э...

Фрэнк. Пасторский катар горла, Прейд. К счастью, не хронический.

Прейд *(меняя тему)*. Должен сказать, что ваш дом стоит на замечательно красивом месте. Нет, в самом деле место чудесное.

Пастор. Да, действительно... Фрэнк сходит с вами погулять, если хотите. А меня уж вы, пожалуйста, извините: я должен воспользоваться случаем и написать проповедь, пока миссис Гарднер нет дома. Развлекайтесь без меня. Вы позволите?

Прейд. Ну разумеется, разумеется. Пожалуйста, не церемоньтесь со мной.

Пастор. Благодарю вас. Ну, я... э-э... э-э... *(Бормоча, поворачивает к крыльцу и скрывается за дверь.)*

Прейд *(садится на траву с Фрэнком, обхватив руками колени)*. Странное, должно быть, занятие – писать проповеди каждую неделю.

Фрэнк. Ну еще бы не странное! Если б он их писал, а то он их покупает готовые. Просто пошел пить соду.

Прейд. Мой дорогой мальчик, мне хотелось бы, чтобы вы были почтительнее с вашим отцом. Вы можете быть очень милы, когда захотите.

Фрэнк. Мой дорогой Предди, вы забываете, что мне приходится жить с родителем. Когда люди живут вместе – все равно, отец ли это с сыном, муж с женой или брат с сестрой, – они уже не могут притворяться вежливыми, что так легко во время десятиминутного визита. А у родителя, при всех его высоких домашних достоинствах, бесхарактерность овечья, а чванство и злопамятность ослиные.

Прейд. Что вы, что вы, дорогой мой Фрэнк! Ведь он вам отец.

Фрэнк. Ну что ж, я и воздаю ему должное. *(Встает и швыряет газету на скамью.)* Нет, вы подумайте, поручил Крофтсу пригласить к нам миссис Уоррен. Надо полагать, спьяну. Вы знаете, Предди, мама и слышать не хочет о миссис Уоррен. Виви лучше не приходит к нам, пока ее мамаша не уедет.

Прейд. Но ведь ваша матушка ничего не знает о миссис Уоррен? *(Поднимает с земли газету и садится читать.)*

Фрэнк. Понятия не имею. Должно быть, знает, если уехала в город. Не то чтобы мать имела что-нибудь против нее в общепринятом смысле: она оставалась верным другом многим женщинам, которые попали в беду. Но все это были порядочные женщины. Вот в чем существенная разница. У миссис Уоррен, без сомнения, есть свои достоинства, но она уж слишком вульгарна, мать с ней просто не захочет разговаривать. Так вот... Это что такое?

Его восклицание вызвано вторичным появлением пастора: он выбегает из дома в испуге, весь запыхавшись.

Пастор. Фрэнк, миссис Уоррен с дочерью идут сюда вместе с Крофтсом, я видел их из окон кабинета. Что мне говорить, где твоя мать?

Фрэнк. Наденьте шляпу и ступайте им навстречу, скажите, что вы им страшно рады, что Фрэнк в саду, а мама с Бесси вызваны к больной родственнице и очень сожалеют, что не могли остаться дома; выразите надежду, что миссис Уоррен хорошо провела ночь и... и... одним словом, говорите все, что в голову взбредет, кроме правды, а в остальном положитесь на волю Божию.

Пастор. Но как же мы от них отделаемся потом?

Фрэнк. Теперь уж некогда об этом думать. Одну минуту! *(Убегает в дом.)*

Пастор. Он такой несдержанный. Я просто не знаю, что с ним делать, мистер Прейд.

Фрэнк *(возвращается с черной фетровой шляпой и нахлобучивает ее отцу на голову)*. Ну, идите скорей. Мы с Прейдом останемся здесь как ни в чем не бывало.

Пастор растерянно, но покорно спешит к калитке. Прейд встает с земли и отряхивается.

Надо как-нибудь спроводить старуху обратно в город. Ну, по совести, милый Предди, неужели вам приятно видеть их вместе – Виви с мамашей?

Прейд. Почему же?

Фрэнк *(с гримасой отвращения)*. Неужели вас от этого зрелища не коробит? Эта старая карга, способная на любую гнусность, – и Виви! Бр-р!

Прейд. Тише, пожалуйста. Они идут.

Пастор с Крофтсом показываются на дороге, за ними, нежно обнявшись, идут миссис Уоррен и Виви.

Фрэнк. Смотрите-ка, что она делает – ни больше ни меньше как обняла старуху за талию. И рука правая – значит, это ее затея. Она становится сентиментальна, ей-богу! Бр-р! Неужели вас это не коробит?

Пастор открывает калитку; миссис Уоррен и Виви проходят мимо него и останавливаются посередине сада, разглядывая дом. Фрэнк в притворном восторге бросается к миссис Уоррен.

Как я рад вас видеть, миссис Уоррен! Как вам к лицу этот тихий, старомодный пасторский сад!

Миссис Уоррен. Ну, ну, нечего! Вы слышали, Джордж? Он говорит, что мне к лицу этот тихий, старомодный пасторский сад!

Пастор *(все еще держит калитку открытой для Крофтса, который угрюмо и неохотно проходит в сад)*. Вам все к лицу, миссис Уоррен.

Фрэнк. Браво, родитель! Ну, а теперь вот что: давайте повеселимся вовсю до завтрака. Сначала осмотрим церковь. Без этого нельзя. Церковь, знаете ли, замечательная, тринадцатого века; родитель к ней питает слабость, потому что собрал деньги на реставрацию и перестроил ее до основания шесть лет назад. Прейд нам растолкует, что в ней хорошего.

Прейд *(поднимаясь)*. С удовольствием, если после реставрации там осталось что-нибудь хорошее.

Пастор (*гостеприимно улыбаясь*). Я буду очень рад, если сэр Джордж и миссис Уоррен в самом деле захотят посмотреть ее.

Миссис Уоррен. Ну так идем посмотрим, и дело в сторону.

Крофтс (*опять поворачивает к калитке*). Я не возражаю.

Пастор. Нет, не сюда. Мы пройдем полем, если позволите. (*Ведет их по узенькой тропинке мимо буксовой изгороди.*)

Крофтс. Что ж, пожалуйста. (*Идет рядом с пастором.*)

Прейд и миссис Уоррен следуют за ними. Виви не двигается с места и смотрит им вслед, выражение ее лица в эту минуту становится особенно решительным.

Фрэнк. А вы разве не идете?

Виви. Нет. Я хочу вас предупредить, Фрэнк. Вы позволили себе издеваться над моей матерью вот только что, когда говорили насчет пасторского сада. Так вот, чтобы этого больше не было. Прошу вас обращаться с моей матерью так же почтительно, как вы обращаетесь со своей.

Фрэнк. Моя милая Вив, она этого не оценит. Она не похожа на мою мать; не годится с той и другой обращаться одинаково. Но что такое с вами случилось? Вчера вечером у нас с вами было полное единомыслие насчет вашей матери и ее компании, а сегодня утром вы позируете в роли любящей дочери и ходите, обнявшись с вашей мамашей.

Виви (*вспыхнув*). Позирую!

Фрэнк. Да, я так это понял. Первый раз в жизни вижу, что вы перестаете быть собой и становитесь посредственностью.

Виви (*сдерживаясь*). Да, Фрэнк, произошла перемена, и я не думаю, что она была к худшему. Вчера я вела себя как педантка.

Фрэнк. А сегодня?

Виви (*дрогнула, но смотрит на него в упор*). Сегодня я знаю мою мать лучше, чем вы.

Фрэнк. Боже вас сохрани!

Виви. Что вы хотите этим сказать?

Фрэнк. Вив, у безнравственных людей существует нечто вроде общего языка, о котором вы и понятия не имеете, – вы слишком цельная натура. Вот это и роднит вашу мать со мной, вот поэтому я знаю ее лучше, чем вы, – так, как вам никогда не узнать.

Виви. Ошибаетесь. Вы ничего о ней не знаете. Если б вы знали, с какими обстоятельствами ей пришлось бороться...

Фрэнк (*ловко заканчивая фразу*) ...то я понял бы, отчего она стала такая, правда? А не все ли это равно? Какие бы там ни были обстоятельства, а с вашей матерью вы не уживетесь, Вив.

Виви (*очень сердито*). Почему же?

Фрэнк. Потому что она дрянная старуха, Вив. Если вы при мне еще раз обнимете ее за талию, я тут же застрелюсь в знак протеста.

Виви. Значит, я должна выбирать между вами и моей матерью?

Фрэнк (*любезно*). Ну, зачем же ставить миссис Уоррен в такое невыгодное положение? Нет, Вив, ваш влюбленный мальчик никогда вас не оставит. Но тем больше он тревожится за вас и боится, как бы вы не наделали ошибок. Что уж тут, Вив, ваша мать невозможна. Она, может быть, и добрая старуха, но непорядочная, в высшей степени непорядочная.

Виви (*горячо*). Фрэнк! (*Он не сдается. Она уходит от него и садится на скамью под тисовым деревом, стараясь успокоиться и взять себя в руки, потом говорит.*) Значит, все должны ее оставить, потому что она, как вы выражаетесь, непорядочная? Значит, она не имеет права жить?

Фрэнк. Не бойтесь, Вив, она не останется в одиночестве. *(Подсаживается к Виви на скамью.)*

Виви. Но я должна ее оставить, так по-вашему?

Фрэнк *(ребячливо, нежным, подкупающим голосом, стараясь заговорить ее)*. Не надо к ней переезжать. Все равно не получится семейная группа: маменька с дочкой. Только расстроит нашу семейную группу.

Виви *(впадая в его тон)*. Какую семейную группу?

Фрэнк. Дети в лесу: Виви и маленький Фрэнк. *(Обнимает Виви за талию и прижимается к ней, словно сонный ребенок.)* Уйдем в темный лес и зароемся в листья.

Виви *(укачивает его, как ребенка)*. И уснем крепким сном под зеленою сенью.

Фрэнк. С милой умницей девочкой глупенький мальчик.

Виви. Милый маленький мальчик с дурнушкой девчонкой.

Фрэнк. В мире и тишине, подальше от безмозглого папаши и сомнительной...

Виви *(заглушает последние два слова, прижав голову Фрэнка к груди)*. Ш-ш-ш! Девочке хочется совсем забыть о своей матери.

Они молчат некоторое время, укачивая друг друга. Потом Виви пробуждается, словно от толчка.

Какие же мы идиоты! Ну, сядьте как следует. Боже мой! Ваши волосы... *(Приглашает их.)* Неужели все взрослые люди играют вот так, по-ребячьи, когда на них никто не смотрит? В детстве я никогда этого не делала.

Фрэнк. И я тоже. Вы моя первая подруга. *(Хочет поцеловать ее руку, но сначала оглядывается и совершенно неожиданно видит Крофтса, выходящего из-за буксовой изгороди.)* О, черт бы его взял!

Виви. Кого, милый?

Фрэнк *(шепотом)*. Ш-ш! Тут эта скотина Крофтс! *(Отсаживается подальше как ни в чем не бывало.)*

Крофтс. Могу я сказать вам несколько слов, мисс Виви?

Виви. Разумеется.

Крофтс *(Фрэнку)*. Извините меня, Гарднер. Вас ждут в церкви, если вы ничего не имеете против.

Фрэнк *(вставая)*. Все, что вам угодно, Крофтс, только не церковь. Если вам что-нибудь понадобится, Виви, позвоните в колокольчик у калитки. *(С безукоризненной учтивостью направляется к дому.)*

Крофтс *(смотрит ему вслед, хитро прищурившись, и говорит Виви тоном близкого друга, пользующегося особыми правами)*. Приятный молодой человек, мисс Виви. Жаль, что у него нет денег, верно?

Виви. Вы так думаете?

Крофтс. Ну какое у него будущее? Ни профессии, ни состояния. Куда он годится?

Виви. Я знаю его слабые стороны, сэр Джордж.

Крофтс *(слегка растерявшись оттого, что его так верно поняли)*. О, не в том дело. А просто, пока мы живем на земле, от этого не уйти: деньги есть деньги. *(Виви не отвечает.)* Хорошая погода, верно?

Виви *(с плохо скрытым презрением к такой неудачной попытке завязать разговор)*. Очень.

Крофтс *(грубовато и добродушно, делая вид, что ему нравится ее смелость)*. Ну, я не о том хотел говорить. *(Садится рядом с ней.)* Послушайте, мисс Виви. Я очень хорошо понимаю, что я не компания для молодых девиц.

Виви. Вот как, сэр Джордж?

Крофтс. И сказать вам по правде, я к этому не стремлюсь. Но у меня слово с делом не расходится, и если я что-нибудь чувствую, так не на шутку, а уж если я что-нибудь дорого ценю, так плачу за это наличными. Вот я какой человек.

Виви. Это, конечно, делает вам честь.

Крофтс. О, я вовсе не собираюсь хвастаться. У меня есть свои недостатки, само собой разумеется, и я это понимаю лучше всякого другого, я знаю, что я не совершенство, – это одно из преимуществ зрелого возраста. А я уже немолод и помню об этом. Но правила жизни у меня простые и, мне думается, хорошие. В отношениях с мужчиной – честь, в отношениях с женщиной – верность; не быть ханжой и не разводить бобов насчет религии, а твердо верить, что все, в общем, идет к лучшему.

Виви (*с язвительной иронией*). Верить в силу, которая находится вне нас, и стремиться к добру, да?

Крофтс (*приняв это всерьез*). Вот именно, вне нас. Вы-то понимаете, что я хочу сказать. Ну, а теперь перейдем к делу. Вы, может быть, думаете, что я промотал свои деньги зря? Ничего подобного: я теперь богаче, чем в тот день, когда получил наследство. Жизненный опыт помог мне: я вложил свой капитал в такое дело, которое другие упустили из виду; в чем другом я, может быть, и отстал, зато уж в денежном отношении – будьте покойны, не подкачаю.

Виви. Вы очень любезны, что сообщаете мне все это.

Крофтс. Ну, полно, мисс Виви. Будто бы вы не понимаете, к чему я клоню. Я хочу обзавестись леди Крофтс. Вам, верно, кажется, что я действую уж слишком напрямик?

Виви. Вовсе нет, я очень вам обязана, что вы высказались определенно и по-деловому. Я вполне могу оценить ваше предложение: деньги, общественное положение, титул леди Крофтс и так далее. Но я все-таки должна отказаться, с вашего разрешения. Лучше не надо. Нет и нет. (*Встает и подходит к солнечным часам, чтобы избавиться от соседства с Крофтсом.*)

Крофтс (*ничуть не обескуражен; пользуясь освободившимся на скамье местом, располагается поудобнее, словно при ухаживании два-три предварительных отказа в порядке вещей*). Я не тороплюсь. Это только чтобы вы знали, на случай, если молодой Гарднер вздумает вас поймать. Вопрос остается открытым.

Виви (*резко*). Мой отказ окончательный. Я не передумаю.

На Крофтса ее отказ не производит никакого впечатления. Он ухмыляется; поставив локти на колени, наклоняется вперед, тычет палкой в какую-то несчастную букашку и хитрым взглядом смотрит на Виви. Она отворачивается в раздражении.

Крофтс. Я гораздо старше вас, на двадцать пять лет – это четверть столетия. Я не собираюсь жить вечно и позабочусь о том, чтобы вы были обеспечены после моей смерти.

Виви. Меня и это не соблазняет, сэр Джордж. Не лучше ли вам примириться с моим ответом? Нет ни малейшей надежды, чтобы я его изменила.

Крофтс (*встает, сшибает палкой маргаритку и начинает прохаживаться взад и вперед*). Что ж, не беда. Я бы мог сообщить вам кое-что, и вы мигом передумали бы. Но не хочу; я предпочитаю честно добиваться вашего расположения. Я был верным другом вашей матери, спросите ее сами. Если б не мои советы и помощь, она бы никогда не нажила тех денег, которые пошли на ваше образование, не говоря уж о деньгах, которыми я ссудил ее. Немного сыщется людей, которые поддержали бы ее, как я. Я вложил в это дело не меньше сорока тысяч фунтов.

Виви (*смотрит на него в изумлении*). Вы хотите сказать, что вы были компаньоном моей матери?

Крофтс. Да. Теперь подумайте сами, от скольких объяснений и хлопот мы избавились бы, если бы все это осталось, так сказать, в кругу семьи. Спросите вашу матушку, захочет ли она рассказать обо всех своих делах постороннему человеку?

Виви. Не вижу, в чем тут затруднение. Насколько я понимаю, дело ликвидировано и капитал положен в банк.

Крофтс (*остолбенев от изумления*). Ликвидировано! Ликвидировать дело, которое дает тридцать пять процентов прибыли в самый плохой год! С какой же стати? Кто это вам сказал?

Виви (*меняясь в лице*). Вы хотите сказать, что оно все еще... (*Резко обрывает фразу и хватается за солнечные часы, чтобы не упасть. Потом быстрыми шагами идет к стулу и садится.*) О каком деле вы говорите?

Крофтс. Собственно говоря, это дело не такое, чтобы оно могло считаться... ну, первоклассным, что ли, в моем кругу... в нашем кругу, если вы со временем передумаете насчет моего предложения. Не то чтобы тут была какая-нибудь тайна – не думайте, нет. Вы, разумеется, и сами понимаете: раз в нем принимает участие ваша мать, то в этом деле нет решительно ничего сомнительного, нечестного. Я ее знаю много лет и могу сказать, что она скорее руку себе отрубит, чем возьмется за что-нибудь подозрительное. Да я вам расскажу, если хотите. Не знаю, случалось ли вам замечать, путешествуя за границей, как трудно найти действительно удобный пансион...

Виви (*с отвращением, глядя в сторону*). Да, продолжайте, пожалуйста.

Крофтс. Ну вот, в этом-то и вся суть. А ваша матушка – прекрасный организатор. У нас два пансиона в Брюсселе, один в Остенде, один в Вене и два в Будапеште. Разумеется, кроме нас, участвуют и другие, но в наших руках большая часть капитала, а ваша матушка незаменима как директор предприятия. Вы, я думаю, обратили внимание, что она почти все время в разъездах. Но об этом, понимаете ли, лучше не говорить в обществе. Скажи только слово «пансион», и пойдут слухи, что ты содержишь кабак. Вы же не захотите, чтобы о вашей матери ходили такие слухи, правда? Вот почему мы и молчим на этот счет. Кстати, вы ведь никому не скажете? Уж если оно хранилось в секрете столько времени, пускай и дальше так будет.

Виви. И это-то дело вы приглашаете меня вести вместе с вами?

Крофтс. О нет. Мои дела жены не касаются. Вы будете в них участвовать не больше, чем всегда участвовали.

Виви. Я участвовала? Что вы хотите сказать?

Крофтс. Только то, что вы жили на эти деньги. Этими деньгами заплачено за ваше образование и за платье, которое на вас надето. Не брезгуйте людьми дела, мисс Виви: без них где были бы ваши колледжи, ваши Ньюхэмы и Гертонь?

Виви (*встав, почти вне себя от гнева*). Берегитесь! Я знаю, какое это дело.

Крофтс (*едва удерживаясь от брани*). Кто вам сказал?

Виви. Ваш компаньон – моя мать.

Крофтс (*задыхаясь от ярости*). Старая...

Виви. Так, так.

Слово застревает у Крофтса на языке, он стоит, задыхаясь от злобы и бешено бранясь про себя; однако, понимая, что ему следует держаться сочувственного тона, находит выход в благородном негодовании.

Крофтс. Какое неуважение к вам! Я бы вам никогда этого не сказал.

Виви. Вы, верно, сказали бы мне после свадьбы; это было бы надежное средство держать меня в руках.

Крофтс (*совершенно искренне*). Вот уж не собирался. Честное слово джентльмена!

Виви (*смотрит на него во все глаза; однако, сознавая комизм его протеста, она успокаивается и, собравшись с силами, отвечает презрительно и сдержанно*). Это неважно. Я думаю, вы понимаете, что наше знакомство должно прекратиться сегодня же, как только мы уедем отсюда.

Крофтс. Почему? Потому что я помогал вашей матери?

Виви. Моя мать была бедная женщина, и ей не оставалось другого выбора, вот почему она на это пошла. А вы были богач и джентльмен и пошли на это ради тридцати пяти процентов прибыли. По-моему, вы самый обыкновенный негодяй. Вот что я о вас думаю.

Крофтс (*таращит на нее глаза; он нисколько не обижен и чувствует себя гораздо легче оттого, что дело пошло начистоту, без прежних церемоний*). Ха-ха-ха! Так, так, барышня, валайте! Мне это не повредит, а вам доставит удовольствие. Почему бы, черт возьми, мне не вложить моих денег в это дело? Я получаю проценты с капитала, как и другие; надеюсь, вы не думаете, что я сам пачкаю руки этой работой? Что вы! Не станете же вы отказываться от знакомства с герцогом Белгрэвиа, кузеном моей матери, из-за того, что часть его доходов достается ему не вполне безгрешным путем? Я думаю, вы не перестанете кланяться архиепископу Кентерберийскому из-за того, что в его доме сдаются квартиры мытарям и грешникам? Вы помните стипендию Крофтса в Ньюхэме? Так вот, она была основана моим братом, членом парламента. Он получает двадцать два процента прибыли с фабрики, где работают шестьсот девушек, и ни одна из них не зарабатывает столько, чтобы можно было на это прожить. Как же, вы думаете, они сводят концы с концами? Спросите вашу матушку! И что же, по-вашему, я должен отказаться от тридцати пяти процентов прибыли, когда все прочие загребают сколько могут, как полагается умным людям? Как же, нашли дурака! Если вы будете выбирать своих знакомых по признаку высокой нравственности, вам лучше уехать из Англии или совсем отказаться от общества.

Виви (*чувствуя угрызения совести*). Вы можете еще сказать, что я сама никогда не спрашивала, откуда берутся деньги, которые я трачу. Думаю, что я нисколько не лучше вас.

Крофтс (*совершенно успокоившись*). Ну разумеется! И очень хорошо! Ведь вреда от этого нет, в конце концов. (*Игриво поддразнивает ее.*) Так, значит, вы уж не считаете меня таким негодяем, передумали теперь, а?

Виви. Я делила с вами прибыль, а сейчас поставила себя на одну доску с вами, высказав, что я о вас думаю.

Крофтс (*серьезно и дружески*). Ну так что же из этого? Вы увидите, что я не так уж плох: я не гонюсь за всякими там умственными тонкостями, зато умею чувствовать по-человечески; к тому же мы, Крофтсы, не терпим вульгарности, это уж у нас в крови, и, я думаю, в этом мы с вами сойдемся. Поверьте мне, мисс Виви, на свете не так уж плохо жить, как каркают все эти пророки. Пока вы не идете против общества в открытую, оно не станет задавать вам щекотливые вопросы; зато с выскочками, которые лезут на рожон, разделяются в два счета. Всего лучше сохраняется в тайне то, о чем все догадываются. В том обществе, в которое я вас введу, ни одна дама, ни один джентльмен не забудутся настолько, чтобы судачить о моих делах или о делах вашей матери. Никто другой не создаст вам такого прочного положения в обществе.

Виви (*с любопытством наблюдает за ним*). Вам, верно, кажется, что вы со мной отлично столковались?

Крофтс. Я льшу себя надеждой, что теперь вы обо мне лучшего мнения, чем были сначала.

Виви (*спокойно*). Теперь я нахожу, что о вас вообще не стоит думать. Когда я думаю о том обществе, которое вас терпит, и о законах, которые вас защищают, когда я думаю, как беспомощны были бы девять девушек из десяти в руках у моей матери – продажной женщины и у вас – ее сутенера-капиталиста...

Крофтс (*побагровев*). Ах, мерзкая!

Виви. Это лишнее. Я и без того чувствую себя мерзко. (*Поднимает щеколду калитки, намереваясь открыть ее и выйти.*)

Крофтс бежит за Виви и кладет руку на верхнюю перекладину, не давая ей открыть калитку.

Крофтс (*задыхаясь от ярости*). Вы думаете, что я это так и стерплю от вас, чертенок вы этакий?

Виви (*невозмутимо*). Успокойтесь. Сейчас кто-нибудь выйдет на звонок. (*Не отступая ни на шаг, ударяет по звонку тыльной стороной руки.*)

Звонок резко дребезжит, и Крофтс невольно отскакивает назад. Почти в то же мгновение на крыльце появляется Фрэнк с ружьем.

Фрэнк (*любезно и радостно*). Дать вам ружье, Вив, или мне самому распорядиться?

Виви. Фрэнк, вы слышали?

Фрэнк (*сбегая по ступенькам в сад*). Только звонок, уверяю вас; я боялся, как бы вам не пришлось дожидаться. По-моему, я проявил тонкое понимание вашего характера, Крофтс.

Крофтс. Мне ничего не стоит отнять у вас это ружье и обломать его об вашу голову.

Фрэнк (*осторожно подкрадывается к нему*). Ради бога, не надо. Я так неосторожен в обращении с оружием. Непременно выйдет несчастный случай, и на следствии мне сделают выговор за небрежность.

Виви. Уберите ружье, Фрэнк, это ни к чему.

Фрэнк. Совершенно верно, Вив. Лучше поймать его в капкан – это как-то больше по-спортсменски.

Уязвленный Крофтс делает угрожающий жест.

Крофтс, у меня тут пятнадцать патронов, а на таком расстоянии я стреляю без промаха, тем более в мишень ваших размеров.

Крофтс. Не бойтесь, пожалуйста. Я вас не трону.

Фрэнк. Очень великодушно с вашей стороны при данных обстоятельствах! Благодарю вас!

Крофтс. Я уйду, но сначала я кое-что сообщу вам. Вам это небезынтересно, ведь вы так привязаны друг к другу. Мистер Фрэнк, позвольте вас представить вашей сводной сестре, дочери почтенного Сэмюэля Гарднера. Мисс Виви – ваш сводный брат. Всего лучшего. (*Выходит через калитку на дорогу.*)

Фрэнк (*после минутного оцепенения берет за ружье*). Вы засвидетельствуете, Вив, что это был несчастный случай. (*Прицеливается в удаляющуюся фигуру Крофтса.*)

Виви (*хватается за дуло и направляет его себе в грудь*). Теперь стреляйте. Можно.

Фрэнк (*выпускает из рук ружье*). Стойте! Осторожнее.

Виви разжимает руку. Ружье падает на траву.

Ох, и задали же вы страху своему мальчику. А если б она выстрелила? Уф! *(Как подкошенный падает на скамью.)*

Виви. А если б и выстрелило: от острой физической боли мне стало бы легче.

Фрэнк *(ласково)*. Не принимайте этого всерьез, милая Виви. Подумайте, даже если этот субъект под дулом винтовки первый раз в жизни сказал правду, то мы теперь только стали настоящими детьми в лесу. *(Протягивает к ней руки.)* Пойдем и зароемся в листья.

Виви *(с криком отшатывается)*. Нет, нет, не надо. Это отвратительно.

Фрэнк. Почему? Что случилось?

Виви. Прощайте. *(Идет к калитке.)*

Фрэнк *(вскакивая)*. Нет! Стойте, Виви! Виви!

Она оборачивается.

Куда вы идете? Где вас искать?

Виви. У Онории Фрейзер, Чансери-лейн, шестьдесят семь, там я и останусь навсегда. *(Быстро уходит в направлении, противоположном тому, в котором пошел Крофтс.)*

Фрэнк. Послушайте, постойте! О черт! *(Бежит за ней.)*

Действие четвертое

Квартира Онории Фрейзер на Чансери-лейн. Контора в верхнем этаже Нью-Стоун Билдингс; зеркальное окно, облезлые стены, электрическое освещение и патентованная печь. В окно видны трубы Линкольн-Инна и вечернее небо за ними. Посреди комнаты большой письменный стол, заваленный горами книг и бумаг; на нем коробка сигар, пепельницы и настольная электрическая лампа. С правой и с левой стороны стола – стулья. Конторка клерка, запертая и прибранная, стоит у стены, ближе к двери, ведущей во внутренние комнаты, возле нее – высокий табурет. В противоположной стене дверь, ведущая в общий коридор. Верхняя панель двери из матового стекла, снаружи на ней черная надпись: «Фрейзер и Уоррен». Угол между этой дверью и окном отгорожен суконной ширмой. Фрэнк, в светлом модном костюме, с тросточкой, перчатками и белой шляпой в руках, ходит взад и вперед по комнате. Кто-то старается отпереть дверь ключом.

Фрэнк. Входите. Не заперто.

Входит Виви, в шляпе и жакетке; она останавливается, глядя на Фрэнка в изумлении.

Виви (*строго*). Что вы здесь делаете?

Фрэнк. Жду вас. Я здесь уже сколько времени. Кто же так занимается делом? (*Кладет шляпу и трость на стол, одним прыжком взбирается на табурет клерка и смотрит на Виви, настроенный, по всем признакам, особенно задорно и легкомысленно.*)

Виви. Я уходила ровно на двадцать минут выпить чашку чаю. (*Снимает шляпу и жакет и вешает их за ширмой.*) Как вы сюда вошли?

Фрэнк. Ваш «персонал» был еще на месте, когда я явился. Он пошел играть в крикет на Примроз-хилл. Напрасно вы нанимаете мальчика, вам бы надо выдвигать женщин.

Виви. Зачем вы пришли?

Фрэнк (*соскочив с табурета, подходит к ней*). Вив, поедем тоже куда-нибудь развлекаться, как ваш персонал. Что вы думаете насчет Ричмонда, мюзик-холла и веселого ужина?

Виви. Это мне не по средствам. Я должна проработать еще часов шесть, прежде чем лягу.

Фрэнк. Не по средствам нам с вами? Эге! Смотрите-ка! (*Достает из кармана горсть золотых и брэнчит ими.*) Золото, Вив, золото!

Виви. Откуда оно у вас?

Фрэнк. Выиграл, Вив, выиграл! В покер.

Виви. Фу! Это хуже воровства! Нет, не поеду. (*Садится к рабочему столу, спиной к стеклянной двери, и начинает перелистывать бумаги.*)

Фрэнк (*жалобно*). Но, моя милая Виви, у меня к вам такой серьезный разговор!

Виви. Очень хорошо. Садитесь на стул Онории и разговаривайте. Я люблю поболтать минут десять после чая.

Фрэнк ворчит.

Нечего стонать, я неумолима.

Фрэнк садится против нее, нахохлившись.

Передайте, пожалуйста, ящик с сигарами.

Фрэнк (*толкает ящик через стол*). Отвратительная женская привычка. Порядочные мужчины больше не курят сигар.

Виви. Да им не нравится запах в конторе, нам пришлось перейти на папиросы. (*Открывает ящик, берет папиросу и закуривает. Предлагает Фрэнку. Он отказывается, делая кислое лицо. Она откидывается на спинку стула, курит.*) Ну, начинайте.

Фрэнк. Я хочу знать, чего вы добились.

Виви. Все было устроено в двадцать минут, как только я приехала. Оказалось, что у Онории в этом году очень много работы; она как раз собиралась предложить мне стать ее компаньоном, когда я вошла и объявила, что у меня за душой нет ни фартинга. Вот я и водворилась здесь, а Онорию отправила отдохнуть недели на две. Что было в Хэслмире после моего отъезда?

Фрэнк. Ничего решительно. Я сказал, что вы уехали в город по важному делу.

Виви. Ну?

Фрэнк. Ну, они промолчали, оттого что растерялись или Крофтс подготовил вашу мать. Во всяком случае, она ничего не сказала, и Крофтс ничего не сказал, а Предди только хлопал глазами. После чая они ушли, и с тех пор я их не видел.

Виви (*мирно кивает, следя за струйкой дыма*). Ну и отлично.

Фрэнк (*неодобрительно оглядывая комнату*). Вы что же, так и будете сидеть в этой отвратительной дыре?

Виви (*энергично разгоняет дым и выпрямляется*). Да. За эти два дня ко мне вернулись все силы и самообладание. Я никогда в жизни не поеду больше отдыхать.

Фрэнк (*с кислой миной*). Н-да! Вид у вас счастливый и неприступный.

Виви (*мрачно*). Тем лучше для меня.

Фрэнк (*вставая*). Послушайте, Вив, нам надо объясниться. Мы расстались с вами по недоразумению. (*Садится на стол рядом с ней.*)

Виви (*тушит окурки*). Ну что ж, объясните, в чем дело.

Фрэнк. Вы помните, что сказал Крофтс?

Виви. Помню.

Фрэнк. Это разоблачение должно было совершенно изменить наши чувства друг к другу. Оно поставило нас в отношения брата и сестры.

Виви. Да.

Фрэнк. А у вас когда-нибудь был брат?

Виви. Нет.

Фрэнк. Ну так вы и понятия не имеете, что значит быть братом и сестрой. У меня сестер целая куча. Братские чувства мне знакомы как нельзя лучше; и уверяю вас – то, что я чувствую к вам, несколько на них не похоже. У девочек своя дорога, у меня своя, и мы ничуть не огорчимся, если никогда больше не увидим друг друга. Вот это братские чувства. А без вас я и дня не проживу. Какие же это братские чувства? Это как раз то, что я чувствовал за час до разоблачений Крофтса. Короче говоря, милая Виви, это юная мечта любви.

Виви (*язвительно*). То есть именно то чувство, Фрэнк, которое привело вашего отца к ногам моей матери. Так, что ли?

Фрэнк (*в возмущении в одну секунду скатывается со стола*). Я решительно не согласен, чтобы мои чувства сравнивали с теми, какие способен питать почтенный Сэмюэль; и совершенно не согласен сравнивать вас с вашей матерью. (*Опять взбирается на свой намест.*) Кроме того, я этой истории не верю. Я пристал к отцу и получил от него ответ, равносильный отрицанию.

Виви. Что же он сказал?

Фрэнк. Сказал, что тут, должно быть, какая-то ошибка.

Виви. Вы ему верите?

Фрэнк. Я скорее готов поверить на слово ему, чем Крофтсу.

Виви. Разве это что-нибудь меняет – то есть в ваших глазах, для вашей совести? Ведь на деле это ничего не меняет.

Фрэнк (*качая головой*). Для меня решительно ничего.

Виви. И для меня тоже.

Фрэнк (*смотрит на нее в изумлении*). Но это просто поразительно! А я-то думал, что наши отношения совершенно изменились в ваших глазах – для вашей совести, как вы выразились, – в ту же минуту, после слов этой скотины Крофтса.

Виви. Нет, не в том дело. Я ему не поверила. А хотела бы поверить.

Фрэнк. Как так?

Виви. По-моему, отношения брата и сестры для нас самые подходящие.

Фрэнк. Вы в самом деле так думаете?

Виви. Да, только такими отношениями я и дорожу, даже если б между нами возможны были какие-нибудь другие. Я так думаю.

Фрэнк (*поднимает брови с видом человека, которого вдруг озарило, и говорит в приливе рыцарских чувств*). Милая Виви, почему же вы раньше этого не сказали? Мне очень жаль, что я надоедал вам. Разумеется, я понимаю.

Виви (*удивленно*). Что понимаете?

Фрэнк. О, я вовсе не дурак в обычном смысле слова – я только в библейском, проделываю все то, что мудрец объявил суетой на основании собственного весьма обширного опыта. Вижу, что я уже не милый мальчик, Виввумс. Не бойтесь, я больше не стану звать вас Виввумс, разве только если вам надоест ваш новый друг, кто бы он ни был.

Виви. Мой новый друг?

Фрэнк (*убежденно*). Непременно должен быть новый. Всегда так. Других причин просто не бывает.

Виви. Ваше счастье, что вы так думаете.

Кто-то стучится в дверь.

Фрэнк. Провалиться бы вашему гостю, кто бы он ни был!

Виви. Это Прейд. Он уезжает в Италию и хочет проститься. Я просила его зайти сегодня. Подите откройте ему.

Фрэнк. Мы можем возобновить наш разговор после его отъезда в Италию. Я его пересяжу. (*Идет к двери и открывает ее.*) Здравствуйте, Прейди. Очень рад вас видеть. Войдите.

Входит Прейд в приподнятом настроении, одетый по-дорожному.

Прейд. Как поживаете, мисс Уоррен?

Виви дружески жмет Прейду руку, хотя ее коробит некоторая сентиментальность его настроения.

Я уезжаю через час с Холборнского вокзала. Как бы мне хотелось уговорить вас поехать в Италию.

Виви. Зачем?

Прейд. Как зачем? Затем, чтобы проникнуться красотой и романтикой, разумеется.

Виви, вздрогнув, придвигает свой стул к столу, словно ищет утешения и поддержки в работе, которая ее ждет. Прейд садится напротив. Фрэнк ставит стул рядом с Виви, лениво и небрежно садится и разговаривает с ней, глядя через плечо.

Фрэнк. Бесполезно, Предди. Виви – прозаическая особа. Она равнодушна к моей романтике и нечувствительна к моей красоте.

Виви. Мистер Прейд, раз и навсегда: для меня в жизни нет ни красоты, ни романтики. Жизнь есть жизнь, и я беру ее такой, как она есть.

Прейд (*восторженно*). Вы этого не скажете, когда побываете в Вероне и в Венеции. Вы будете плакать от восторга, что живете в таком прекрасном мире.

Фрэнк. Весьма красноречиво, Предди. Продолжайте в том же духе.

Прейд. Уверяю вас, я действительно плакал – и, надеюсь, опять заплачу, в пятьдесят-то лет! А в вашем возрасте, мисс Уоррен, незачем даже и ездить так далеко. Вы буквально воспарите духом, уже завидев Остенде. Вас очарует веселье, живость, бодрящая атмосфера Брюсселя.

Виви (*вскакивает, не в силах скрыть отвращение*). Ох!..

Прейд (*встает*). Что такое?

Фрэнк (*тоже встает*). Виви!

Виви (*Прейду, с горьким упреком*). Неужели в разговоре со мной вы не могли найти другого примера вашей красоты и романтики, кроме Брюсселя?

Прейд (*не понимая*). Конечно, это совсем не то, что Верона. Я вовсе не хочу внушить вам мысль...

Виви (*с горечью*). Вероятно, красота и романтика и там и здесь одна и та же.

Прейд (*совершенно отрезвившись, встревоженно*). Милая мисс Уоррен, я... (*Вопросительно смотрит на Фрэнка*.) Что-нибудь случилось?

Фрэнк. Ваши восторги кажутся Виви легкомысленными,

Прейд. Она теперь трагически смотрит на вещи.

Виви (*резко*). Помолчите, Фрэнк! Что за глупости!

Фрэнк (*садится*). Как вам нравятся такие манеры, Прейд?

Прейд (*озабоченно и почтительно*). Увести его, мисс Уоррен? Я чувствую, что мы вам мешаем работать. (*Хочет встать*.)

Виви. Сидите, пожалуйста; я еще не собираюсь работать.

Прейд садится.

Вы оба думаете, что у меня истерика. Ничего подобного. Но, с вашего разрешения, я попросила бы вас оставить в покое две темы. Одна (*обращается к Фрэнку*) – это мечта о любви, в какой бы форме она ни выражалась; а другая (*обращается к Прейду*) – красота и романтика жизни, особенно если примером ей служат Остенде и брюссельские веселости. Сами вы вольны питать какие угодно иллюзии на этот счет; у меня их больше нет. Если мы трое останемся друзьями, то ко мне вы должны относиться как к деловой женщине, неизменно одинокой (*Фрэнку*) и неизменно чуждой романтике (*Прейду*).

Фрэнк. Я тоже останусь неизменно одиноким, пока вы не перемените мнения. Предди, бросьте эту тему. Ваше красноречие пригодится на что-нибудь другое.

Прейд (*неуверенно*). Боюсь, что я не умею говорить ни о чем другом. Евангелие Искусства – единственное, которое я могу проповедовать. Я знаю, мисс Уоррен поклоняется евангелию Успеха; но и об этом нам нельзя разговаривать, чтобы не задевать вас, Фрэнк, – ведь вы же решили, что вам не нужен успех.

Фрэнк. Не бойтесь меня задеть. Дайте мне какой-нибудь хороший совет, пожалуйста; это мне будет очень полезно. Попробуйте еще раз сделать из меня человека, Вив. Ну, что там требуется: энергия, бережливость, дальновидность, уважение к себе, характер. Вы ненавидите бесхарактерных людей, Вив, не так ли?

Виви (*морицась*). Довольно, довольно! К чему это отвратительное лицемерие? Мистер Прейд, если в мире только и есть, что эти два евангелия, то всем нам лучше покончить с собой; оба они насквозь прогнили.

Фрэнк (*смотрит на нее критически*). В вас сегодня чувствуется поэтическая жилка, Вив, которой до сих пор не хватало.

Прейд (*протестуя*). Мой милый Фрэнк, надо же немножко сочувствовать.

Виви (*не щадя себя*). Нет, это мне полезно. Это мне не позволит впасть в сентиментальность.

Фрэнк (*шутливо*). К которой вас влечет неудержимо?

Виви (*почти истерически*). Да, да, так мне и надо! Не щадите меня. На минуту я расчувствовалась, и еще как расчувствовалась – при лунном свете! А теперь...

Фрэнк (*с живостью*). Вив, послушайте! Осторожней. Не выдавайте себя.

Виви. Так ведь для мистера Прейда это не новость – о моей матери. (*Прейду.*) Лучше бы вы все рассказали мне в то утро, мистер Прейд. Вы уж очень старомодны в конце концов с этой вашей деликатностью.

Прейд. Нет, это вы немножко старомодны с вашими предрассудками, мисс Уоррен. Я должен сказать вам как художник, что, по моему убеждению, самые интимные человеческие отношения стоят за пределами закона и несравненно выше его. Хотя мне известно, что ваша матушка незамужняя женщина, я ничуть не меньше ее уважаю. Напротив, я уважаю ее больше.

Фрэнк (*легкомысленно*). Слушайте, слушайте!

Виви (*широко открыв глаза*). И это все, что вам известно?

Прейд. Разумеется, это все.

Виви. Значит, оба вы ничего не знаете. Все ваши догадки – сама невинность по сравнению с правдой.

Прейд (*встает, волнуясь и негодую и только усилием воли удерживая себя в границах учтивости*). Надеюсь, что нет. (*Повышая голос.*) Надеюсь, что нет, мисс Уоррен.

Фрэнк (*свистит*). Фь-ю!

Виви. Вы только затрудняете мое признание, мистер Прейд.

Прейд (*несмотря на свои рыцарские чувства, сдается*). Если есть нечто худшее – я хочу сказать, нечто другое, – вы уверены, что вы вправе нам это сказать, мисс Уоррен?

Виви. Я уверена, что если б у меня хватило смелости, я до самой моей смерти только и делала бы, что рассказывала это всем и каждому, клеймила бы и жгла их, чтобы они понесли свою долю позора и стыда, как несу я. Больше всего на свете я презираю жалкую условность, которая берет под защиту эти порядки, запрещая женщине говорить о них. И все-таки я не в силах сказать вам. Позорные слова, определяющие, что такое моя мать, звучат в моих ушах, просятся на язык, но я не могу произнести их, я сгораю от стыда. (*Закрывает лицо руками.*)

Мужчины в изумлении смотрят друг на друга, потом опять на Виви. Она поднимает голову с отчаянной решимостью и берет лист бумаги и перо.

Вот что, я составлю вам проспект.

Фрэнк. Она с ума сошла! Слышите, Вив, вы сумасшедшая. Ну, возьмите себя в руки.

Виви. Вот увидите. (*Пишет.*) «Основной капитал, не менее сорока тысяч фунтов, принадлежит главному акционеру сэру Джорджу Крофтсу, баронету. Отделения в Брюсселе,

Берлине, Вене и Будапеште. Директор – миссис Уоррен». Да, не забыть бы ее основную профессию. Вот! *(Пишет и подвигает к ним листок.)* Нет, нет, не читайте, не надо! *(Берет бумагу и разрывает ее в клочки, потом, охватив голову руками, прячет лицо, припав к столу.)*

Фрэнк, который внимательно следил из-за ее плеча за тем, что она пишет, делает большие глаза, достает карточку из кармана и, нацарапав на ней два слова, молча передает Прейду, который в изумлении читает и поспешно прячет в карман.

Фрэнк *(нежно шепчет)*. Вив, милая, это ничего. Я прочел то, что вы написали, и Предди тоже. Мы все понимаем. И мы остаемся, как и до сих пор, вашими преданными друзьями.

Прейд. Да, мисс Уоррен. Я должен сказать, что вы самая замечательная, самая храбрая женщина, какую я встречал.

Этот сентиментальный комплимент оживляет Виви. Она отвергает его, нетерпеливо мотнув головой, и заставляет себя встать, опираясь на стол.

Фрэнк. Не двигайтесь, Виви, если вам трудно. Не принуждайте себя.

Виви. Благодарю вас. В одном вы всегда можете на меня положиться: я не заплачу и не упаду в обморок. *(Делает несколько шагов к двери в другую комнату и останавливается рядом с Прейдом.)* Мне понадобится гораздо больше храбрости для того, чтобы сказать моей матери, что наши дороги разошлись. Извините, я пойду на минуту в другую комнату, приведу себя в порядок.

Прейд. Может быть, нам уйти?

Виви. Нет, нет, я сейчас вернусь. Только на минуту. *(Уходит.)*

Прейд *(открывает ей дверь)*. Какое поразительное открытие! Я совершенно разочаровался в Крофтсе, совершенно!

Фрэнк. А я нисколько. По-моему, теперь вполне ясно, что это за фигура. Но какой удар для меня, Предди. Я уже не могу на ней жениться.

Прейд *(сурово)*. Фрэнк!

Они смотрят друг на друга: Фрэнк – невозмутимо, Прейд – с глубоким возмущением.

Позвольте мне сказать вам, Гарднер, что, если вы бросите ее теперь, вы сделаете большую подлость.

Фрэнк. Добрый мой Предди! Какое рыцарство! Но вы ошибаетесь: загвоздка не в моральной стороне дела, а в денежной. Теперь я до старухиных денег и пальцем не смогу дотронуться.

Прейд. А вы на них рассчитывали, когда собирались жениться?

Фрэнк. А на что же еще? У меня нет своих денег и ни малейшей способности наживать их. Если б я теперь женился на Вив, ей пришлось бы содержать меня, и я обошелся бы ей куда дороже, чем стою.

Прейд. Но такой умный, способный юноша, как вы, может и сам что-нибудь заработать.

Фрэнк. Ну да, кое-что может. *(Вынимает деньги.)* Вот это я заработал вчера – в полтора часа. Но это была чистая спекуляция. Нет, милый Предди, даже если Бесси с Джорджиной выйдут за миллионеров и родитель умрет, не оставив им ни гроша, у меня будет всего-навсего четыре сотни в год. А вы знаете, старик у меня недогадливый, он проживет до семидесяти, и я еще лет двадцать посижу на голодном пайке. Нет, поскольку зависит

от меня, я не допущу, чтобы Вив терпела нужду. Я благородно ретируюсь и уступаю поле действия нашей золотой молодежи. Так что это решено. Ей я этим докучать не буду, оставлю ей записочку, когда уйдем. Она поймет.

Прейд (*жмет ему руку*). Вы честный человек, Фрэнк! Я от всего сердца прошу у вас прощения. Но разве так необходимо больше с ней не видеться?

Фрэнк. Больше не видеться? Черта с два! Что это вам взбрело в голову? Я буду заходить к ней как можно чаще, буду ее братом. Вы, романтики, делаете самые нелепые выводы из самых простых вещей.

Стук в дверь.

Кто бы это мог быть? Не откроете ли вы дверь? Если это клиент, то будет гораздо приличнее, если выйдете вы, а не я.

Прейд. Да, пожалуй. (*Идет к двери и открывает.*)

Фрэнк садится на стул Виви и пишет записку.

Дорогая Китти, входите, входите же.

Миссис Уоррен входит и боязливо оглядывается по сторонам, ища Виви. Она сделала все возможное, чтобы выглядеть почтенной матроной. Яркую шляпу заменил темный ток, пестрая блузка скрыта под дорогой мантилей черного шелка. Вид у нее жалкий, встревоженный, ей не по себе – по-видимому, от страха.

Миссис Уоррен (*Фрэнку*). Как! Вы здесь?

Фрэнк (*оборачиваясь, но не вставая*). Здесь и в восторге от того, что вас вижу. Вы словно дыхание весны.

Миссис Уоррен. О, подите вы с вашими глупостями! (*Понизив голос.*) Где Виви?

Фрэнк выразительно кивает на дверь второй комнаты.

(*Вдруг садится, чуть ли не со слезами.*) Предди, она не захочет меня видеть, как вы думаете?

Прейд. Почему же не захочет, милая Китти? Не огорчайтесь.

Миссис Уоррен. Где уж вам понять почему! Невинный младенец... Мистер Фрэнк, она вам ничего не говорила?

Фрэнк (*складывая записку*). Она вас непременно увидит, если (*очень выразительно*) вы ее дождетесь.

Миссис Уоррен (*испуганно*). А почему бы мне ее не дожидаться?

Фрэнк насмешливо смотрит на нее, осторожно кладет записку на чернильницу, чтобы Виви не могла ее не заметить, когда ей понадобится обмакнуть перо, потом встает, подходит к миссис Уоррен и посвящает ей все свое внимание.

Фрэнк. Дорогая миссис Уоррен, предположим, вы были бы воробышком, маленьким, хорошеньким воробышком, прыгали бы по мостовой и вдруг увидели бы, что на вас надвигается паровой каток. Стали бы вы его дожидаться?

Миссис Уоррен. Отстаньте вы от меня с вашими воробьями. Зачем она сбежала из Хэслмира?

Фрэнк. Боюсь, что она вам скажет, если вы ее дождетесь.

Миссис Уоррен. Вы хотите, чтоб я ушла?

Фрэнк. Нет, я, как всегда, хочу, чтобы вы остались. Но я советую вам уйти.

Миссис Уоррен. Как! И никогда ее больше не видеть?

Фрэнк. Вот именно.

Миссис Уоррен (*опять плачет*). Предди, не позволяйте ему меня тиранить. (*Торопливо вытирает глаза.*) Она рассердится, если увидит, что я плакала.

Фрэнк (*к его легкомысленной нежности примешивается нотка истинного сочувствия*). Вы знаете, Предди – сама доброта, миссис Уоррен. Предди! Как вы скажете? Уходить или оставаться?

Прейд (*миссис Уоррен*). Мне было бы очень жаль причинить вам напрасные страдания, но, мне кажется, вам лучше не дожидаться. Дело в том...

За дверью слышны шаги Виви.

Фрэнк. Ш-ш! Слишком поздно. Она идет.

Миссис Уоррен. Не говорите ей, что я плакала.

Входит Виви, останавливается и серьезно смотрит на миссис Уоррен, которая приветствует ее истерически-радостно.

Деточка! Наконец-то ты явилась.

Виви. Я рада, что вы пришли, мне нужно с вами поговорить. Вы, кажется, сказали, что уходите, Фрэнк?

Фрэнк. Да, ухожу. Пойдемте со мной, миссис Уоррен. Не хотите ли проехаться в Ричмонд, а вечером пойти в театр? В Ричмонде вполне безопасно. Там нет паровых катков.

Виви. Глупости, Фрэнк. Моя мать останется здесь.

Миссис Уоррен (*в страхе*). Не знаю, может быть, мне лучше уйти? Мы мешаем тебе работать...

Виви (*спокойно и решительно*). Мистер Прейд, уведите, пожалуйста, Фрэнка. Садитесь, мама.

Миссис Уоррен беспомощно садится.

Прейд. Идем, Фрэнк. До свидания, мисс Виви.

Виви (*пожимая ему руку*). До свидания. Желаю вам счастливого пути.

Прейд. Благодарю вас, благодарю.

Фрэнк (*миссис Уоррен*). До свидания, а все-таки лучше бы вы послушались моего совета. (*Пожимает ей руку. Легкомысленным тоном, Виви.*) До скорого, Вив.

Виви. До свидания.

Фрэнк уходит с улыбкой, не пожав ей руки.

Прейд (*с грустью*). До свидания, Китти.

Миссис Уоррен (*плаксиво*). До свидания!

Прейд уходит. Виви, спокойная, очень серьезная, садится на место Онории и ждет, чтобы мать заговорила. Миссис Уоррен, боясь молчания, начинает, не теряя времени.

Виви, почему же ты уехала, не сказав мне ни слова? Как ты могла? И что ты сделала с бедным Джорджем? Я хотела взять его с собой, да он отвертелся. Видно было, что он тебя до смерти боится. Вообрази, он и меня не пускал. Как будто (вздрагивает) я тебя боюсь, милая.

Виви становится еще мрачнее.

Но я, разумеется, ему сказала, что мы уже все решили и уладили и что мы с тобой в самых лучших отношениях. *(Не выдерживает.)* Виви, что это значит? *(Достает из конверта листок, подходит к столу и протягивает его Виви.)* Я получила это из банка сегодня утром.

Виви. Это мои деньги за месяц. Мне их прислали на днях, как всегда. Я просто отослала их обратно и попросила перевести на ваш счет, а квитанцию послать вам. Теперь я сама буду себя содержать.

Миссис Уоррен *(боится понять)*. Может быть, этого мало? Почему же ты не сказала мне? *(С хитрым блеском в глазах.)* Я могу давать вдвое больше, я и так собиралась. Только скажи, сколько тебе нужно.

Виви. Вы прекрасно знаете, что дело совсем не в этом. Я пойду своей дорогой, у меня будет свое дело и свои друзья. А у вас своя дорога. *(Встает.)* Прощайте.

Миссис Уоррен *(в ужасе)*. Прощайте?

Виви. Да, прощайте. Ну к чему мы будем устраивать ненужную сцену? Вы же прекрасно понимаете: сэр Джордж Крофтс все мне рассказал.

Миссис Уоррен *(сердито)*. Старый... *(Вовремя спохватывается и бледнеет оттого, что слово едва не вырвалось у нее.)*

Виви. Так, так.

Миссис Уоррен. Язык бы ему отрезать! Но я думала, что с этим уже кончено: ведь ты сказала, что тебе все равно.

Виви *(твердо)*. Простите, мне не все равно.

Миссис Уоррен. Но я же тебе объяснила.

Виви. Вы объяснили только, что вас привело к вашей профессии. Но ничего не сказали о том, что вы ее до сих пор не бросили. *(Садится.)*

Миссис Уоррен, прикусив язык, в отчаянии смотрит на Виви, которая ждет, втайне надеясь, что битва кончена. Но на лице миссис Уоррен опять появляется хитрое выражение, и, наклонившись через стол, она говорит лукаво и настойчиво, почти шепотом.

Миссис Уоррен. Виви, знаешь ли ты, как я богата?

Виви. Не сомневаюсь, что вы очень богаты.

Миссис Уоррен. Но ты плохо понимаешь, что это значит, ты слишком молода. Это значит новое платье каждый день; это значит балы и театры каждый вечер; это значит первые джентльмены Европы у твоих ног; это значит красивый дом и множество прислуги; это значит самые тонкие кушанья и напитки; это значит все, что тебе нравится, все, чего душа пожелает, все, что только вздумаешь. А здесь ты что такое? Не лучше прислуги! Мучаешься и корпишь над работой с утра до ночи ради хлеба и двух дешевых платьев в год. Подумай-ка хорошенько. *(Вкрадчиво.)* Ты возмущаешься, я знаю. Я понимаю твои чувства, они делают тебе честь; но, поверь мне, никто тебя не осудит, можешь положиться на мое слово. А я знаю молодых девушек, знаю, что ты переменишь свое мнение, когда подумаешь как следует.

Виви. Так вот как это делается? Вы, должно быть, много раз говорили все это другим женщинам, оттого у вас и получается так гладко.

Миссис Уоррен *(страстно)*. Разве я тебя прошу о чем-нибудь дурном?

Виви презрительно отворачивается.

(В отчаянии продолжает.) Виви, послушай меня. Ты не понимаешь; тебя нарочно учили не тому, что нужно; ты не знаешь по-настоящему, что такое жизнь.

Виви *(в недоумении)*. Как не тому учили? Что вы хотите сказать?

Миссис Уоррен. Я хочу сказать, что ты напрасно упускаешь свое счастье. Ты думаешь, что люди – то, чем они кажутся, и что все так и есть, как тебя учили думать в школе, – хорошо и правильно? Так нет же, все это только притворство, чтобы держать в руках трусливых, смиренных, обыкновенных людишек. Хочешь узнать это в сорок лет, как другие женщины, когда будет уже поздно, или вовремя, от родной матери, которая тебя любит и может поклясться, что все это правда, святая правда? *(Настойчиво.)* Виви, умные люди, настоящие люди, те, кто всем правит, знают это. Они поступают по-моему и думают по-моему. Я многих таких знаю. Я знаю их, я познакомлю тебя с ними, они станут твоими друзьями. У меня ничего дурного на уме нет; вот этого ты не понимаешь, тебе внушили самые дикие понятия обо мне. Что знают эти твои учителя о жизни и о таких людях, как я? Когда они меня видели, когда говорили со мной, когда хоть слышали от кого-нибудь обо мне? Дурачье! Да разве они сделали бы что-нибудь для тебя, если б я им не платила? Разве я тебе не говорила, что хочу, чтобы ты была порядочной? Разве я не воспитала тебя так, чтобы ты была порядочной? И разве ты можешь оставаться порядочной без моих денег, без моего влияния, без друзей Лиззи? Ведь ты сама себя режешь и мне разбиваешь сердце, когда отворачиваешься от меня.

Виви. Я узнаю жизненную философию Крофтса, мама. Все это я слышала от него у Гарднеров.

Миссис Уоррен. Ты думаешь, я хочу навязать тебе этого старого шута? Нет, Виви, клянусь тебе, что нет!

Виви. Не беда, если б и хотели; вам бы это не удалось.

Миссис Уоррен содрогается, глубоко оскорбленная равнодушием Виви к ее материнским заботам.

(Виви, не понимая этого и не желая понимать, продолжает спокойно.) Мама, вы плохо меня знаете. Я возражаю против Крофтса не больше, чем против всякого другого грубияна его круга. Сказать вам по правде, я даже отдаю ему должное за то, что у него хватило характера пользоваться жизнью по-своему и наживать деньги, вместо того чтобы охотиться на фазанов и лисиц, обедать в гостях, одеваться у лучших портных и вообще бездельничать, как это принято в его обществе. И я прекрасно знаю: будь я в тех же обстоятельствах, что и моя тетушка Лиз, я бы поступила точно так же. Не думаю, чтоб у меня было больше предрассудков, чем у вас; думаю даже, что меньше. Кроме того, я не так сентиментальна. Я прекрасно знаю, что вся светская мораль – сплошное притворство, что если б я взяла ваши деньги и всю остальную жизнь тратила бы их, как принято в обществе, меня никто не упрекнул бы за это, и я стала бы такой же пустой и никчемной, как самая последняя светская дурочка. Но я не хочу быть пустой. Мне было бы неинтересно кататься в парке, рекламируя свою портниху и своего каретного мастера, или скучать в опере, демонстрируя целую выставку брильянтов.

Миссис Уоррен *(растерянно)*. Но...

Виви. Погодите минуту, я еще не кончила. Скажите мне, почему вы не бросаете этого дела теперь, когда вы от него уже не зависите? Вот вы говорите, ваша сестра бросила. Почему же вы не бросаете?

Миссис Уоррен. Ну, для Лиз это очень легко, она любит хорошее общество, у нее вид настоящей дамы. А ты вообрази меня в Уинчестере! Грачи на деревьях – и те заклевали бы меня, а скорее всего я бы просто умерла от скуки. Мне нужна работа, нужно движение, иначе

я с ума сойду от тоски. А что же еще я могу делать? Эта жизнь мне подходит, и ни для какой другой я не гожусь. Если я перестану этим заниматься, найдутся другие, так что вреда я не приношу. И потом это выгодно, а я люблю наживать деньги. Нет, нечего и толковать, бросить дело я не могу – ни для кого. Да и зачем тебе о нем знать? Я никогда не заикнусь об этом. Крофтса я к тебе не подпущу. Я не буду часто тебе надоедать: ты же видишь, мне постоянно приходится разъезжать с места на место. А когда я умру, ты совсем от меня избавишься.

Виви. Нет, я дочь своей матери. Я такая же, как вы: мне нужна работа, нужно зарабатывать больше, чем я трачу. Но у меня другая работа и другая дорога. Мы должны расстаться. И для нас изменится очень немногое: вместо того чтобы встретиться, может быть, несколько раз за двадцать лет, мы не встретимся никогда, вот и все.

Миссис Уоррен (*глухим от слез голосом*). Виви, я хотела бывать с тобой чаще, правда, хотела.

Виви. Не стоит, мама. Меня не переделаешь дешевыми слезами и просьбами, так же как и вас, я думаю.

Миссис Уоррен (*вне себя*). По-твоему, материнские слезы дешевы?!

Виви. Они вам ничего не стоят, а меня вы просите отдать за них душевный мир и спокойствие всей моей жизни. На что я вам нужна, даже если б вы добились своего? Что между нами общего и какое счастье мы можем дать друг другу?

Миссис Уоррен (*забывшись, переходит на просторечие*). Я тебе мать, ты мне дочь! Мне нужна моя дочь. Я имею на тебя права. Кто будет обо мне заботиться, когда я состарюсь? Многие девушки привязывались ко мне, как к родной матери, и плакали, расставаясь со мной, а я никого не пожалела, потому что ждала тебя. Я осталась одинокой ради тебя. Ты не имеешь права идти против меня и забывать дочерний долг.

Виви (*настраиваясь враждебно; в голосе матери ей слышится эхо трущоб*). Дочерний долг? Я так и думала, что мы до этого дойдем. Раз навсегда, мама: вам нужна дочь, Фрэнку нужна жена, а мне не нужно матери и не нужно мужа. Я не пощадила ни себя, ни Фрэнка, когда выпроводила его. Вы думаете, я пощажу вас?

Миссис Уоррен (*с силой*). О, я знаю таких, как ты, – у тебя нет жалости ни к себе, ни к другим. Я знаю. Мой опыт хоть в этом мне помог: я умею распознать ханжу, лицемерную, сухую, бессердечную женщину. Что ж, оставайся одна, мне тебя не надо! Только послушай. Знаешь, что я с тобой сделала бы, если бы ты родилась снова? Да, сделала бы, свидетель бог!

Виви. Задушили бы меня, верно?

Миссис Уоррен. Нет, я воспитала бы тебя так, чтоб ты была мне настоящей дочерью, а не такой, какая ты теперь, – с твоей гордостью, предрассудками и образованием, которое ты у меня украла. Да, украла! Ну отопрись, если посмеешь! Скажи, что это, как не воровство, а? Я воспитала бы тебя у себя дома, да.

Виви (*спокойно*). В одном из ваших домов.

Миссис Уоррен (*взвизгивает*). Послушайте ее! Посмотрите, как она плюет на седые волосы своей матери! Дай тебе бог дожить до того, чтобы твоя дочь растоптала тебя так же, как ты растоптала меня. И ты доживешь до этого, доживешь! Не бывать счастливой той женщине, которую прокляла мать!

Виви. Перестаньте беситься, мама. Это только раздражает. Будет вам. Я, пожалуй, единственная из молодых женщин, попавших вам в руки, которой вы сделали добро. Не жалейте об этом.

Миссис Уоррен. Да! Прости меня, господи, это правда! И только ты одна пошла против меня. Ведь это же несправедливо, так несправедливо, так несправедливо! Я всегда хотела быть хорошей женщиной. Я пробовала честно работать – и мной помыкали, как тряпкой, пока я не прокляла тот день, когда впервые услышала о честной работе. Я была хорошей матерью; я вырастила дочь хорошей женщиной – и за это она чурается меня, как прокажен-

ной. О, если б можно было начать жизнь сначала! Сказала бы я словечко этому лицемеру священнику из нашей школы! С этих пор – пусть простит меня бог перед смертью! – я буду делать только зло и ничего, кроме зла. И наживаться на нем.

Виви. Да. Уж лучше выбрать свою дорогу и идти по ней до конца. Если бы я была на вашем месте, я, может быть, делала бы то же, что и вы; только не стала бы жить одной жизнью, а верить в другую. Ведь в душе вы раба условностей. Потому-то я с вами и прощаюсь. Права я или нет?

Миссис Уоррен (*не понимая*). В чем? В том, что отказываешься от моих денег?

Виви. Нет, в том, что отказываюсь от вас. Я была бы дура, если бы этого не сделала. Верно?

Миссис Уоррен (*мрачно*). Ну, уж если на то пошло, пожалуй, ты и права. Только, господи помилуй, что же это будет, если все начнут поступать как должно! А теперь мне лучше уйти, раз во мне здесь не нуждаются. (*Поворачивается к двери.*)

Виви (*любезно*). Вы не хотите пожать мне руку?

Миссис Уоррен (*в ярости смотрит на дочь, обуреваемая желанием ударить ее*). Нет, спасибо. Прощай!

Виви (*сухо*). Прощайте.

Миссис Уоррен уходит, хлопнув дверью.

(*С лица Виви сходит напряженное выражение, оно проясняется. Виви вздыхает с огромным облегчением, не то плача, не то смеясь; решительно подходит к столу, отставляет в сторону лампу, придвигает к себе грудку бумаг; хочет окунуть перо в чернильницу и видит записку Фрэнка. Она небрежно разворачивает ее и пробегает, мимоходом улыбаясь оригинальному обороту речи.*) Прощай и ты, Фрэнк. (*Рвет записку и, не задумываясь ни на минуту, бросает клочки в корзину. Потом решительно берется за работу и с головой уходит в вычисления.*)

1894

Дом, где разбиваются сердца

Где он находится, этот Дом?

«Дом, где разбиваются сердца» – это не просто название пьесы, к которой эта статья служит предисловием. Это культурная, праздная Европа перед войной. Когда я начинал писать эту пьесу, не прозвучало еще ни единого выстрела и только профессиональные дипломаты да весьма немногие любители, помешанные на внешней политике, знали, что пушки уже заряжены. У русского драматурга Чехова есть четыре прелестных этюда для театра о Доме, где разбиваются сердца, три из которых – «Вишневый сад», «Дядя Ваня» и «Чайка» – ставились в Англии. Толстой в своих «Плодах просвещения» изобразил его нам, как только умел он – жестоко и презрительно. Толстой не расточал на него своего сочувствия: для Толстого это был Дом, где Европа душила свою совесть. И он знал, что из-за нашей крайней ослабленности и суетности в этой перегретой комнатной атмосфере миром правят бездушная невежественная хитрость и энергия со всеми вытекающими отсюда ужасными последствиями. Толстой не был пессимистом: он вовсе не хотел оставлять Дом на месте, если мог обрушить его прямо на головы красивых и милых сластолюбцев, обитавших в нем. И он бодро размахивал киркой. Он смотрел на них как на людей, отравившихся опиумом, когда надо хватать пациентов за шиворот и грубо трясти их, пока они не очухаются. Чехов был более фаталист и не верил, что эти очаровательные люди могут выкарабкаться. Он считал, что их продадут с молотка и выставят вон; поэтому он не стеснясь подчеркивал их привлекательность и даже льстил им.

Обитатели Дома

В Англии, где театры являются просто обыкновенным коммерческим предприятием, пьесы Чехова, менее доходные, чем качели и карусели, выдержали всего несколько спектаклей в «Театральном обществе». Мы тарасили глаза и говорили: «Как это по-русски!» А мне они не показались только русскими: точно так же, как действие чрезвычайно норвежских пьес Ибсена могло быть с легкостью перенесено в любой буржуазный или интеллигентский загородный дом в Европе, так и события этих чрезвычайно русских пьес могли произойти во всяком европейском поместье, где музыкальные, художественные, литературные и театральные радости вытеснили охоту, стрельбу, рыбную ловлю, флирт, обеды и вино. Такие же милые люди, та же крайняя пустота. Эти милые люди умели читать, иные умели писать; и они были единственными носителями культуры, которые по своему общественному положению имели возможность вступать в контакт с политическими деятелями, с чиновниками и владельцами газет и с теми, у кого была хоть какая-то возможность влиять на них или участвовать в их деятельности. Но они сторонились таких контактов. Они ненавидели политику. Они не желали реализовать Утопию для простого народа: они желали в своей собственной жизни реализовать любимые романы и стихи и, когда могли, не стеснясь жили на доходы, которых вовсе не заработали. Женщины в девичестве старались походить на звезд варьете, а позже успокаивались на типе красоты, изобретенном художниками предыдущего поколения. Обитатели Дома заняли единственное место в обществе, где можно было обладать досугом для наслаждения высшей культурой, и превратили его в экономическую, политическую и – насколько это было возможно – моральную пустоту. И поскольку природа, не принимающая пустоты, немедленно заполнила его сексом и всеми другими видами изысканных удо-

вольствий, это место стало в лучшем случае привлекательнейшим местом в часы отдыха. В другие моменты оно делалось гибельным. Для премьер-министров и им подобных оно было настоящей Капуей.

Зал для верховой езды

Но где еще могли устроиться уютно наши заправилы, как не здесь? Помимо Дома, где разбиваются сердца, можно было еще устроиться в Зале для верховой езды. Он состоял из тюрьмы для лошадей и пристройки для дам и джентльменов, которые ездили на лошадях, гоняли их, говорили о них, покупали их и продавали и девять десятых своей жизни готовы были положить на них, а оставшуюся, десятую часть делили между актами милосердия, хождением в церковь (что заменяет религию) и участием в выборах на стороне консерваторов (что заменяет политику). Правда, два эти учреждения соприкасались: изгнанных из библиотеки, из музыкального салона и картинной галереи можно было подчас встретить изнывающими в конюшнях и ужасно недовольными; а отважные всадницы, засыпающие при первых звуках Шумана, оказывались совсем не к месту в садах Клингсора. Иногда все-таки попадались и обездички лошадей, и губители душ, которые жили припеваючи там и здесь. Однако, как правило, два эти мира существовали раздельно и знать не знали друг друга, так что премьер-министру и его присным приходилось выбирать между варварством и Капуей. И трудно сказать, какая из двух атмосфер больше вредила умению управлять государством.

Революция на книжной полке

Дом, где разбиваются сердца, был близко знаком с революционными идеями – на бумаге. Его обитатели стремились быть передовыми и свободомыслящими и почти никогда не ходили в церковь и не соблюдали воскресного дня, разве что в виде забавы в конце недели. Приезжая в Дом, чтобы остаться там с пятницы по вторник, на полке в своей спальне вы находили книги не только поэтов и прозаиков, но также и революционных биологов и даже экономистов. Без нескольких пьес – моих и м-ра Гренвилл-Баркера, без нескольких повестей м-ра Г. Дж. Уэллса, м-ра Арнолда Беннетта и м-ра Джона Голсуорси – Дом не был бы передовым. Из поэтов вы могли найти там Блейка, а рядом с ним Бергсона, Батлера, Скотт-Холдейна, стихи Мередита и Томаса Харди и, вообще говоря, все литературные пособия, нужные для формирования сознания настоящего современного социалиста и творческого эволюциониста. Забавно было провести воскресенье, просматривая эти книги, а в понедельник утром читать в газете, как страну едва не довели до анархии, потому что новый министр внутренних дел или начальник полиции (его прабабушка не стала бы тут и оправдываться) отказался «признать» какой-нибудь могущественный профсоюз, совсем так, как если бы гондола отказалась признать лайнер водоизмещением в 20 000 тонн.

Короче говоря, власть и культура жили врозь. Варвары не только буквально сидели в седле, но сидели они и на министерской скамье в палате общин, и некому было исправлять их невероятное невежество в области современной мысли и политической науки, кроме выскочек из счетных контор, занятых не столько своим образованием, сколько своими карманами. Однако и те и другие знали, как обходиться и с деньгами, и с людьми, то есть умели собирать одни и использовать других; и хотя это столь же неприятное умение, как и умение средневекового разбойного барона, оно позволяло людям по-старому управлять именем или предприятием без надлежащего понимания дела, совсем так, как торговцы с Бонд-стрит и домашние слуги поддерживают жизнь модного общества, вовсе не изучая социологии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.